

**HUMAN
RIGHTS
HOUSE**
FOUNDATION

ЗАЩИТА ДЛЯ ЗАЩИТНИКОВ

**КАК УСОВЕРШЕНСТВОВАТЬ ИНФРАСТРУКТУРУ
ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ ПРАВозащитникам
ПОД УГРОЗОЙ**

Армения

Азербайджан

Беларусь

Грузия

Казахстан

Кыргызстан

Таджикистан

Украина

СОДЕРЖАНИЕ

	Список сокращений	3
1.	Вступительное слово Мэри Лолор	4
2.	Резюме отчета	6
3.	Основные выводы	10
4.	Рекомендации	12
5.	Методология и сбор данных	17
6.	Региональный и страновой контекст	20
6.1.	Гибридные режимы: Армения, Грузия, Кыргызстан, Украина	22
6.2.	Авторитарные режимы: Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Таджикистан	24
7.	Риски для правозащитников	26
7.1.	Потенциальные и реализовавшиеся риски	26
7.2.	Наиболее распространенные риски по странам	29
7.3.	Риски, общие для всех стран	31
7.4.	Источники рисков для правозащитников	31
8.	Опыт использования респондентами нынешних программ защиты	34
8.1.	Полученная помощь	34
8.2.	Предлагаемые варианты поддержки	36
8.3.	Важные истории успеха	37
8.4.	Эффекты защиты	39
9.	Союзники в работе по защите	41
10.	Пробелы в программах защиты	42
10.1.	Категории правозащитников с неудовлетворенными потребностями	43

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВП	«Восточное партнерство»
ГОНГО	НПО, за которой стоит правительство
ДПЧ	Дом прав человека
ЕС	Европейский Союз
НПО	неправительственная организация
ОГО	организация гражданского общества
ООН	Организация Объединенных Наций
ФДПЧ	Фонд домов прав человека

1. ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО МЭРИ ЛОЛОР

Пусть ярко горит факел правозащитников

Меня всегда восхищали и вдохновляли правозащитники. Правозащитники — это обычные люди, которые делают необыкновенные вещи. Они работают ради более мирного и справедливого общества и в борьбе за права других людей готовы рисковать своей безопасностью и даже жизнью. В течение последних десятилетий положение правозащитников ухудшается во всем мире, они сталкиваются с возрастающими опасностями и рисками. Это неприемлемо для тех из нас, кто ценит свободу и человеческое достоинство.

Только в 2020 году было убито более 300 правозащитников; тысячи были мишенями для преследований, запугиваний, нападений, клеветы и дискредитации. Первым шагом на пути к разрешению этой чудовищной ситуации должно стать изучение того, как нам гарантировать и улучшить защиту правозащитников.

«Защита для защитников» — крайне своевременное исследование. Фонд домов прав человека провел его с целью идентифицировать и найти решения для пробелов в инфраструктуре защиты правозащитников под угрозой в восьми евразийских странах. Это исследование вносит вклад в набирающий обороты процесс документирования быстро ухудшающегося положения правозащитников, а также документально подтверждает необходимость срочных действий, особенно в странах с развивающейся демократией.

Советский Союз рухнул ровно три десятилетия назад, однако общества в Восточной Европе, на Южном Кавказе и в Центральной Азии все еще сражаются с пережитками своего тоталитарного прошлого. Из-за своей работы правозащитники в этих странах сталкиваются с многочисленными рисками. Некоторые из них — например, правозащитницы, защитники прав ЛГБТКИ, экологические активисты и правозащитники из отдаленных районов — подвергаются еще большим преследованиям не только за то, что они делают, но и за то, кем они являются. Как показывает исследование, риски, с которыми сталкиваются правозащитники, исходят не только от государства. Правозащитники также подвергаются нападкам и угрозам со стороны бизнесов, религиозных институтов и других негосударственных субъектов, действующих как при молчаливой, так и при открытой поддержке государства.

Обеспечение среды, благоприятной для работы правозащитников — это ответственность государства. Настало время для государств расширить свои обязательства в сфере защиты правозащитников не только с помощью внедрения защитных механизмов для предотвращения и реакции на нападки на правозащитников, но и с помощью публичного признания неоценимого вклада, который вносят правозащитники в развитие более справедливого общества. Государства, институты, организации и в целом гражданское общество должны продолжать распространять знания о важной роли правозащитников; мы должны стремиться к новым партнерствам и превращать наблюдателей в союзников, чтобы правозащитники могли выполнять свою работу, не подвергаясь депрессиям.

В среду 9 сентября 2015 года представители домов прав человека в знак поддержки лишенных свободы или убитых коллег прошли от норвежского парламента до министерства иностранных дел.

Как отметила известная беларусская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе Светлана Алексиевич, «Свобода — это не быстрый праздник, как мы мечтали. Это путь, долгий путь». Мы все можем отправиться в это путешествие под свет факела, который держат отважные правозащитники. Долг каждого из нас — всех близких по духу, любящих демократию и свободу людей, институтов, государств, организаций и других, кто верит в справедливость и верховенство права, — позаботиться о том, чтобы этот факел всегда горел ярко. Я уверена, что выводы и рекомендации этого исследования помогут нам в достижении этой миссии.

Mary Lawlor

Мэри Лолор,

Спецдокладчик ООН по вопросу
о положении правозащитников

2. РЕЗЮМЕ ОТЧЕТА

Цели и задачи исследования

Положение правозащитников — важный индикатор общей ситуации с правами человека в любой стране. Изменения в пространстве для деятельности правозащитников, правовые и практические ограничения, с которыми они сталкиваются, являются первыми признаками направления, в котором развивается страна. Непременным условием для эффективной работы правозащитников является возможность свободно выражать свое мнение, создавать объединения, мирно собираться, иметь доступ к информации и финансированию, пользоваться защитой и признанием в качестве агентов позитивных изменений и развития. Точно так же влияние, которое местные правозащитники могут оказывать на позитивные изменения в области прав человека, зависит среди прочего и от прав, которые есть у них самих.

К сожалению, положение правозащитников ухудшается во всем мире. Власти многих стран видят в работе правозащитников угрозу существующим властным структурам и рассматривают правозащитников скорее как своих оппонентов, чем как своих союзников. Во многих странах власти прибегают к ложно сконструированному нарративу традиционных ценностей для обвинения правозащитников в действиях, противоречащих национальным интересам, что со временем приводит к еще большей изоляции и стигматизации правозащитников.

Для того чтобы отреагировать на ухудшающееся положение правозащитников и дать толчок к взаимному обучению, переосмыслению и выработке стратегии по улучшению и повышению доступности механизмов защиты правозащитников, Фонд домов прав человека (ФДПЧ) решил провести инвентаризацию существующей инфраструктуры защиты правозащитников, работающих на территории бывшего Советского Союза. С этой целью ФДПЧ заказал исследование, чтобы создать «карту» существующей инфраструктуры защиты правозащитников под угрозой в восьми странах Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии (Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Украина). Целью исследования было выявление и рассмотрение потенциальных новых субъектов и партнеров в рамках работы по защите в будущем, а также выявление сообществ правозащитников под угрозой, которые либо не попадают в поле зрения, либо практически не охвачены мерами защиты.

Методология

Исследование проходило с сентября 2019 г. по ноябрь 2020 г., сбор данных проводился с октября 2019 г. до конца июня 2020 г. Всего было проведено 212 интервью: 192 — с респондентами из восьми стран и 20 — с представителями международных программ защиты. Респондентами были либо правозащитники под угрозой, либо те, кто предоставляет им защиту. Для обеспечения разнообразия мнений и полноты собранных данных исследователи позаботились о том, чтобы респонденты представляли разные регионы в каждой стране и разные гендерные, возрастные и профессиональные точки зрения. Особое внимание уделялось необходимости

узнать мнение правозащитных сообществ, которые находятся вне поля зрения и могут быть не охвачены программами защиты.

Около 50% интервью проводилось дистанционно, отчасти из-за пандемии COVID-19. Очные интервью проводились в Азербайджане, Армении, Беларуси и Грузии. Интервью в Центральной Азии пришлось делать онлайн из-за невозможности поездок в период пандемии. Предварительные результаты и рекомендации были изучены представителями правозащитных сообществ целевых стран исследования осенью 2020 г. Полученные отзывы были использованы для внесения корректив в финальный отчет.

Исследование стало возможным благодаря неоценимой поддержке и участию Домов прав человека, партнерских организаций и отдельных лиц как в странах исследования, так и за их пределами. ФДПЧ благодарен каждому респонденту и каждой респондентке, которые великодушно выделили время на то, чтобы поделиться своими взглядами на эту важную тему, и тем самым внесли вклад в этот отчет.

Выводы и рекомендации

Исследование показывает, что структура защиты в странах исследования функционирует хорошо, но не без пробелов. Абсолютное большинство опрошенных правозащитников сталкивается с рисками при осуществлении своей легитимной правозащитной деятельности; во всех странах физические риски преобладают над цифровыми. В то время как в авторитарных режимах монополия на угрозы и насилие в отношении правозащитников принадлежит государству, в странах с гибридными режимами правозащитники в основном подвергаются нападениям со стороны негосударственных акторов, которых часто поощряет и поддерживает правительство. Правозащитницы сталкиваются с дополнительными рисками, которых обычно не испытывают их коллеги-мужчины, как, например, риск сексуального насилия и угрозы детям. Эти дополнительные риски иногда остаются незамеченными существующими программами защиты.

Исследование выявило, что способность инфраструктуры защиты действовать эффективно очень сильно зависит от силы и устойчивости провайдеров защиты. В свою очередь, организационная культура, безопасность и чувство солидарности среди коллег имеют прямую связь с благополучием правозащитников. Чтобы обеспечить устойчивость программ защиты на местах, необходимо эффективно решать вопрос выгорания среди провайдеров защиты. Донорам и международным партнерам рекомендуется рассматривать местных и региональных провайдеров защиты не только как исполнителей, но и как бенефициаров существующих программ защиты. Организационная культура и практики управления должны рассматриваться как факторы, усиливающие общую инфраструктуру защиты, поскольку они, вне всяких сомнений, сказываются на благополучии правозащитников.

Местные и региональные коалиции, усиленные международной помощью, предоставляют наиболее квалифицированную и эффективную защиту правозащитникам под угрозой. Исследование, таким образом, рекомендует поддерживать коалиции местных организаций гражданского общества, специализирующихся на защите правозащитников, и связывать их с международными провайдерами защиты. Донорскому сообществу рекомендуется финансировать инициативы, которые строят коалиции на местном и региональном уровне, а также поддерживать идеи, направленные на поиск и взаимодействие новых союзников. Международным провайдерам защиты стоит предоставлять поддержку через такие местные и региональные коалиции там, где они существуют, либо формировать программы поддержки, которые предусматривают долгосрочный эффект в виде создания сильных национальных и региональных коалиций.

Кроме того, данные показывают, что риски, с которыми сталкиваются правозащитники в гибридных режимах — Армении, Грузии, Кыргызстане и Украине, — растут и требуют немед-

ленного внимания и действия. Важно обратить более пристальное внимание на безопасность правозащитников, работающих в более благоприятных режимах, поскольку заметны первые признаки ухудшения и необходимо принять меры во избежание дальнейшего регресса. Международные и национальные провайдеры защиты должны больше внимания уделять проактивному развитию способности правозащитников противостоять рискам, развитию навыков правозащитников в сфере цифровой и физической безопасности и принимать превентивные меры в ответ на ухудшающуюся ситуацию в этих странах.

Для кого предназначен этот отчет?

Этот отчет представляет выводы и рекомендации, которые помогут провайдерам защиты, а также их донорам, партнерам и дружественным правительствам в их усилиях, направленных на улучшение положения правозащитников. Несмотря на то, что эти выводы и рекомендации основаны на исследовании, проведенном в восьми странах, опыт ФДПЧ в работе по защите правозащитников позволяет с уверенностью предположить, что они с высокой долей вероятности будут применимы и в других странах и контекстах, учитывая общее сходство угроз и проблем безопасности правозащитников и независимых субъектов гражданского общества в разных частях света. И хотя это исследование проходило до и во время вспышки COVID-19, его выводы по-прежнему актуальны, а выполнение рекомендаций становится еще более неотложным, поскольку пандемия только усугубила положение правозащитников.

Опыт ФДПЧ в работе по защите правозащитников

Десять лет назад, ФДПЧ и три Дома прав человека (ДПЧ) — Беларуский ДПЧ, Образовательный ДПЧ в Чернигове и ДПЧ в Тбилиси — разработали обширную программу защиты, в рамках которой сотни правозащитников и членов их семей получили поддержку в виде правовой, финансовой и психологической помощи, а также помощь с временным убежищем и релокацией в Восточной Европе и на Кавказе. За эти годы программа защиты ФДПЧ также финансировала наблюдение за судами и мобильные группы, выдвижение правозащитников на независимые правозащитные премии и другие скоординированные усилия на национальном и международном уровнях, направленные на достижение системных улучшений в положении правозащитников. Поскольку ФДПЧ продолжает уделять внимание защите правозащитников, выводы и рекомендации этого исследования помогут ФДПЧ и сети ДПЧ пересмотреть нашу программу защиты и адаптировать ее таким образом, чтобы она и дальше служила системой поддержки для правозащитников в опасности.

Мурал "The Whistleblower" /
"Изобличительница
несправедливости"
на стене Дома прав человека
в Загребе — дань уважения роли
правозащитников в обществе,
часто с риском для себя.

3. ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

1. Инфраструктура защиты развита, но есть пробелы

Правозащитники в Азербайджане, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Украине имеют доступ к развитой инфраструктуре защиты, включающей в себя различные защитные механизмы. При этом сохраняется потребность в более целенаправленной и доступной защите активистов прав ЛГБТКИ, защитников прав женщин и гендерного равенства, экологических активистов, журналистов, а также правозащитников, работающих в отдаленных районах. Правозащитникам, находящимся под угрозой, зачастую неизвестно об имеющихся механизмах защиты. Основными причинами недовольства системой предоставления защиты являются бюрократичность и отсутствие гибкости у организаций-провайдеров, а также недостаточно организованное информирование. Наибольшим спросом пользуется психологическая помощь, вслед за которой идет финансовая и помощь в сфере цифровой безопасности.

2. Положение правозащитников в гибридных режимах быстро ухудшается

Подавляющее большинство правозащитников и в авторитарных государствах, и в странах с гибридным режимом в своей законной работе сталкиваются с огромными рисками. При этом из данных следует, что наблюдается рост рисков у правозащитников в гибридных режимах. Это указывает на необходимость более пристального внимания уделять безопасности правозащитников, работающих в странах с более мягким режимом, так как на наблюдающиеся там признаки ухудшения стоит реагировать на ранней стадии с целью предотвращения дальнейшего отката.

3. Типы и источники рисков в странах с авторитарным и гибридным режимами различаются

В странах гибридного типа основными видами рисков для правозащитников являются угрозы насилия, клеветнические кампании, онлайн-запугивание и физические нападения, а в авторитарных государствах правозащитники рискуют столкнуться с неправомерными задержаниями, уголовным преследованием, физическими нападениями, угрозами расправы, административным преследованием. Независимо от типа режима физические риски преобладают над цифровыми. Правозащитники в странах с гибридным режимом в первую очередь подвергаются нападениям со стороны праворадикальных, националистических, олигархических группировок с различными организационными привязками и составом, нередко при поощрении и поддержке властей. В авторитарных странах монополия на угрозы и применение насилия принадлежит в первую очередь государству.

Риски для независимого гражданского общества и правозащитников в рассматриваемых странах исходят и от благонамеренных донорских структур и международных ОГО, отчасти из-за неспособности отличить ГОНГО от независимых ОГО и легитимации первых за счет предоставления финансирования и возможностей партнерства.

4. Женщины-правозащитницы сталкиваются с дополнительными рисками и ограничениями

Правозащитницам приходится испытывать на себе особые дополнительные риски, которые обычно не распространяются на их коллег-мужчин, в частности угрозы сексуального насилия и причинения вреда их детям. Данные дополнительные риски и потребности правозащитниц не всегда учитываются существующими программами защиты.

5. Есть запрос на проактивную и превентивную защиту

Наиболее защищенными от рисков правозащитников можно считать тогда, когда их способность противостоять рискам развивается «на опережение» (например, как в случае мер по укреплению потенциала для борьбы с цифровыми и физическими угрозами), и при наличии доступа как к долгосрочной, так и к срочной медицинской, юридической, психологической помощи.

6. Сотрудничество местных и международных провайдеров дает наилучший результат для правозащитников

Инфраструктура защиты, построенная на оказании помощи на местном и региональном уровне, при синхронном ее подкреплении за счет международной поддержки дает правозащитникам под угрозой наиболее эффективную защиту. Правозащитники лучше защищены и у них больше возможностей, когда есть сильные местные и региональные провайдеры, функционирующие в тандеме с международными партнерами. Доказано, что провайдеры помощи, находящиеся «на местах», эффективнее справляются с рисками и обеспечивают долгосрочный результат. При этом с учетом существующих в условиях гибридных режимов рисков инфраструктура защиты не может всецело строиться на внутренних провайдерах или региональных структурах.

7. Организационная культура и солидарность влияет на безопасность правозащитников

Солидарность коллег важна для правозащитников, сталкивающихся с рисками. Она дает большее ощущение защищенности, подкрепляет и вдохновляет на продолжение работы. Также на безопасности правозащитников отражается внутриорганизационная культура правозащитных ОГО. В качестве вызова для защиты правозащитников в Беларуси упоминалась жесткая иерархия, присутствующая внутри правозащитных организаций и в гражданском обществе в целом. Смягчить риски выгорания, наблюдаемые у правозащитников Украины и Армении, может улучшение практики управления человеческими ресурсами, что в свою очередь может оказать благотворное воздействие на защиту правозащитников в этих странах.

8. Правозащитники скептически настроены по поводу нахождения новых союзников, в том числе среди посольств и межправительственных организаций

Правозащитникам нелегко ответить на вопрос о потенциальных союзниках в масштабе общества, хотя исследователям удалось найти многообещающие примеры сотрудничества между правозащитниками и работниками культуры или религиозными структурами (среди исповеданий меньшинств, альтернативных преобладающим). Как показывают данные, чем более длительную историю имеют в стране демократические институты, тем больше уверенности у местных акторов в возможности нахождения союзников внутри общества и тем больше у них опыта такого партнерства. Следует отметить, что в инфраструктуре защиты практически отсутствуют посольства и международные организации, а также бюро государственных омбудсменов.

4. РЕКОМЕНДАЦИИ

Улучшение инфраструктуры защиты

1. Обеспечивать опору на местах: выстраивайте и поддерживайте национальные и региональные защитные коалиции

Наиболее своевременную, гибкую, комплексную и эффективную защиту правозащитникам под угрозой обеспечит оказание поддержки коалиции местных ОГО, специализирующихся в предоставлении защиты, инвестиции в коалиционную инфраструктуру, установление связи между данной коалицией и существующими программами защиты. Подобные коалиции должны предлагать правозащитникам защиту на национальном уровне, выступать в качестве контактного пункта для координации защиты на местном уровне, а в случае угрозы выводить правозащитников на контакт с международными программами защиты. Выполнение этой рекомендации потребует согласованных усилий и сотрудничества донорских структур, международных и национальных провайдеров защиты, правозащитников и единомышленников в рядах гражданского общества.

Ради достижения этой цели донорскому сообществу рекомендуется финансировать инициативы, направленные на построение альянсов на местном и региональном уровнях, а также поддерживать идеи возвращения новых союзников демократического гражданского общества и работы по защите на местах. В то же время международным провайдерам защиты можно посоветовать распределять поддержку на нужды защиты через такие местные и региональные коалиции при их наличии или же формировать свои программы поддержки с ориентацией на долгосрочный эффект за счет создания сильных национальных и региональных коалиций, сплотившихся вокруг дела защиты правозащитников.

2. Делать акцент на превентивную поддержку, особенно в гибридных режимах

Международным и национальным провайдерам защиты следует уделить более пристальное внимание проактивному наращиванию потенциала у правозащитников с целью упреждения рисков. С учетом того, что для правозащитников, работающих в условиях гибридных режимов, риски за последние три года существенно возросли, международным и национальным провайдерам можно посоветовать в качестве превентивной меры на случай дальнейшего ухудшения ситуации в этих странах развивать инициативы, направленные на формирование навыков цифровой и физической безопасности у правозащитников Армении, Грузии, Кыргызстана, Украины. К подобным усилиям можно отнести и проведение тренингов для правозащитников и провайдеров по предотвращению и преодолению выгорания, оказание помощи в развитии навыков заботы о себе, а также поддержку национальным и региональным провайдерам защиты в выработке потенциала по оказанию подобных услуг бенефициарам. Полезной представляется разработка программ, направленных на улучшение

ние способности правозащитников распознавать и противодействовать онлайн-троллингу, а также предоставление правозащитникам, проживающим в авторитарных странах, медицинской страховки. Последняя мера позволит правозащитникам проходить профилактические медицинские обследования и тем самым предотвращать некоторые хронические и долгосрочные проблемы со здоровьем.

3. Укреплять институциональный потенциал, организационную безопасность, улучшать индивидуальное самочувствие местных провайдеров защиты

Как показал опыт, надлежащее функционирование инфраструктуры защиты очень зависит от того, насколько сильны провайдеры. Поэтому крайне важно поощрять и поддерживать институциональный рост национальных и региональных провайдеров защиты с целью устранения слабых сторон в таких областях, как система управления, финансовая устойчивость, организационная безопасность (как помещений, так и цифрового пространства). Также анализ показал, что выгорание распространено не только у правозащитников под угрозой, но и у провайдеров защиты, которые сталкиваются с дополнительным риском вторичной травмы, что негативно отразится на способности провайдеров оказывать помощь правозащитникам и их родным, если не обращать на этот риск внимания. Как было выявлено в ходе исследования, примеров выгорания и вторичной травмы среди местных провайдеров защиты много, но им поддержка обычно не положена, поскольку соображения конфликта интересов не позволяют им пользоваться помощью, распределителями которой они же и являются, либо же они просто не в силах сами о себе позаботиться.

Для обеспечения устойчивости программ защиты на местах донорам и международным партнерам рекомендуется рассматривать местных и региональных провайдеров защиты в качестве не только исполнителей, но и благополучателей их же программ защиты. Донорским структурам и международным партнерам следует учитывать, что общая инфраструктура защиты находится под влиянием таких факторов, как организационная культура и практика управления организаций-провайдеров – в пост-тоталитарных обществах эта сфера нуждается в повышенном внимании. Рассматривая местных субъектов и как исполнителей, и как благополучателей, международные провайдеры защиты смогут инвестировать в их институциональный потенциал и организационную безопасность, а также проявить внимание к индивидуальному самочувствию тех, кто занимается предоставлением защиты.

4. Осознать важность физических аспектов инфраструктуры защиты

Важно, чтобы доноры и международные провайдеры не пренебрегали физическими аспектами инфраструктуры защиты (также именуемыми «физической инфраструктурой») – имеет смысл вложить средства и усилия в создание или поддержку мест убежища для правозащитников и членов их семей, которые находятся под угрозой в авторитарных государствах или на территориях, оккупированных авторитарным государством. Если это невозможно из-за введенных авторитарными режимами ограничений, рассмотрите возможность поддержки и укрепления ОГО, находящихся в пределах того же региона, но в более безопасной стране, с тем чтобы они могли выступить в качестве провайдера защиты для правозащитников под угрозой. Подобная схема может обеспечить своевременную и гибкую поддержку. Уделив внимание физическим объектам инфраструктуры защиты, таким как места временного убежища, доноры и международные провайдеры защиты окажут благотворное воздействие на более широкое сообщество правозащитников и гарантируют должное отражение в существующих программах защиты потребностей и проблем, которые волнуют всех представителей сообщества.

Одним из обделенных вниманием физических аспектов инфраструктуры защиты является компьютерная техника, с помощью которой правозащитники осуществляют сбор доказательств и поддерживают связь с миром. Несколько опрошенных правозащитников подчеркнули, насколько тяжело было возобновить правозащитную деятельность после того, как

власти конфисковали или повредили их компьютерное оборудование. К тому же, для защиты от физических угроз, исходящих от негосударственных субъектов и коммерческих структур, необходимы дополнительные меры, в том числе установка сигнализации, видеонаблюдения и т.п. по месту работы и жительства правозащитников. Настоятельно рекомендуем донорскому сообществу учесть этот вывод данного исследования в дальнейшем процессе выработки механизмов финансирования программ защиты во всем мире.

5. Оказывать влияние на законодательство и политику внутри страны

В рамках долгосрочной и координируемой между многими субъектами работы по укреплению защиты правозащитников донорскому сообществу, международным и национальным провайдерам защиты, органам власти сочувствующих государств и правозащитникам на местах следует оказывать содействие и участвовать в инициативах, направленных на улучшение национальной законодательной базы в целевых странах с целью приведения ее в соответствие с обязательствами государств, зафиксированными в декларациях ООН и Совета Европы о правозащитниках. Подобные совместные инициативы доноров, международных и национальных провайдеров и правозащитников должны включать в себя конкретные механизмы финансирования и адвокати́рование в пользу формирования национальной законодательной базы и правоприменительной практики, в которых будет однозначно признаваться важность выполняемой правозащитниками функции и детально описываться позитивные и негативные обязательства соответствующего государства в отношении правозащитников. Донорскому сообществу необходимо усилить поддержку, выделяемую на проведение дел по защите правозащитников под угрозой в международных судебных органах, что станет дополнительным стимулом для усилий по адвокати́рованию совершенствования внутреннего правового регулирования и практики.

Рекомендации по построению и реализации программ защиты

6. Разрабатывать программы защиты с ориентацией на желательное воздействие на жизнь получателя помощи

Правозащитники, работающие в условиях риска, рекомендуют донорам и международным провайдерам защиты при разработке подобных программ защиты рассмотреть возможность предоставления поддержки членам семей правозащитников, даже если сами правозащитники в прямой поддержке не нуждаются. Они считают, что такой подход снимет некоторые факторы давления, обусловленные угрозами в адрес членов семей, в том числе детей, что в свою очередь позволит правозащитникам остаться в стране и продолжить работу. Что касается поддержки детей, то правозащитникам, а особенно – правозащитницам под угрозой будет полезно, если в программах появится возможность средне- и долгосрочного вывоза их детей за границу.

Как донорскому сообществу, так и международным провайдерам защиты следует сохранять нынешний акцент на предоставление широкого спектра видов защиты, в том числе внимание к психологической помощи. При этом рекомендуется этот подход доработать и при выборе мер защиты всецело ориентироваться на фактическое воздействие, оказываемое предлагаемыми мерами на благополучателя. Наилучшим образом подобный подход можно обеспечить с помощью организации реального участия правозащитников, сталкивающихся с рисками, в разработке данных программ защиты. В свою очередь, правозащитникам можно посоветовать предпринимать активные шаги для внесения вклада в разработку программ, чтобы итоговый продукт был максимально актуальным для их потребностей в области безопасности.

7. Проявлять больше гибкости и адаптивности в программах защиты

Гибкость и адаптивность программ защиты можно рассматривать с двух разных, хотя и взаимосвязанных точек зрения. С одной стороны, в ходе интервью правозащитниками отмечались громоздкие процедуры подачи заявок и избыточные требования к предъявляемой документации, что не позволяет получить необходимую помощь. Естественно, провайдером защиты нужно проверить, кому они оказывают поддержку, установить критерии для предоставления различных видов поддержки и требования к документированию ее использования. Наличие надлежащей документации важно для прозрачности и подотчетности, а также во избежание дублирования помощи, так как по очевидным соображениям безопасности работа по защите обычно не выполняется публично. Однако чрезмерное фокусирование на строгих критериях, а не на достигаемом результате в каждом конкретном случае может привести к недостаточной поддержке для защиты правозащитника, оказавшегося в опасности.

Другой аспект гибкости и адаптивности защиты связан с понятием целевой группы программ защиты. По словам респондентов, существует необходимость расширительного толкования целевых групп защиты, с тем чтобы обращающиеся за помощью правозащитники под угрозой смогли ее получить. Как показало исследование, из-за разницы в определении правозащитника на стадии реализации программ защиты может произойти их непреднамеренное сужение. К тому же, с учетом того, что большинство программ защиты направлено на максимально широкий охват правозащитников, нуждающихся в помощи, крайне важно оставить пространство для маневра в случае необходимости повторной оценки (в связи с возникновением новых рисков) в отношении кейсов, которые ранее уже получали помощь, чтобы не получилось так, что существующие программы защиты оставляют правозащитников без помощи, даже если они сталкиваются с реальной угрозой. В этом отношении национальным и международным провайдерам можно рекомендовать проявить некоторый уровень гибкости.

8. Продолжать интеграцию компонентов гендера и меньшинств в программы защиты

По данным исследования, несмотря на наличие существенной поддержки, направленной на активистов прав ЛГБТКИ, женщин и гендерного равенства, а также эко-активистов, журналистов, правозащитников в отдаленных районах, потребности этих групп все еще недостаточно учитываются существующими программами защиты. Эти категории правозащитников сталкиваются с рисками как со стороны органов власти, так и со стороны других слоев общества. Донорам программ защиты адресуется призыв учесть не удовлетворенные на данный момент потребности этих групп правозащитников в процессе принятия решений о финансировании. Рекомендуется продолжить и расширить нынешние программы с целью обеспечения еще более полного охвата.

Рекомендации по совершенствованию коммуникации с благополучателями и заинтересованными сторонами

9. Заблаговременно и точно информировать о критериях предоставления защиты

В ходе исследования установлено, что благополучатели программ защиты недостаточно информированы о критериях предоставления защиты и охвате имеющихся программ защиты. Зачастую правозащитники не понимают логику отказа в оказании помощи со стороны провайдера, что приводит к нежеланию обращаться за поддержкой в будущем. Провайдерам защиты внутри страны и на международном уровне рекомендуется во всех случаях давать мотивировку отказа, а также рассмотреть возможность решения данной проблемы с помощью изменения структуры и формата программы. Не ставя под угрозу безопасность самих правозащитников и сотрудников программ защиты, имеет смысл изучить варианты более доступного донесения до общества информации об имеющихся каналах поддержки. Особенно полезной такая информация потенциально является для правозащитников, работающих в условиях гибридных режимов.

10. Усилить взаимодействие с местными и международными заинтересованными субъектами

Как отмечалось выше, ввиду сложности проблемы необходимы совместные усилия и решения. Ситуация требует построения мостов и альянсов с единомышленниками на местном и международном уровнях для предоставления поддержки как правозащитникам под угрозой, так и лицам и организациям, предоставляющим им защиту. Именно поэтому правозащитникам и провайдерам защиты рекомендуется формировать коалиции/альянсы с другими профессиональными группами на национальном и региональном уровнях, в частности, с психологами, адвокатами, медиками, деятелями культуры, писателями и т.п., которые могут быть подключены к программам защиты. Это гарантирует наличие сети адвокатов или медиков, к которым у правозащитников будет немедленный доступ в случае острой необходимости — при задержании, административном преследовании либо чрезвычайной ситуации медицинского характера.

Важную роль в осуществлении превентивной и реактивной работы по защите играют и правительства демократических стран — они могут призвать государства-нарушители соблюдать взятые на себя обязательства по защите правозащитников в рамках ООН, ЕС, СЕ или ОБСЕ, к которым зачастую прилагаются специализированные руководящие принципы по защите правозащитников. Но чтобы это происходило, необходимо информировать органы, отвечающие за формирование политики, а также дипломатический корпус этих стран о важности оказания поддержки правозащитникам во всем мире и сохранения приоритетности вопроса их безопасности в политической повестке. Местные, региональные и международные провайдеры защиты, а также сами правозащитники под угрозой должны активно взаимодействовать с иностранными демократическими правительствами с целью удержания вопроса защиты правозащитников во главе повестки дня. Прекрасно зная и понимая ситуацию в конкретной стране, они могут дать практический совет по поводу наиболее эффективных мер, поделиться надлежащей практикой и успешными примерами, где подобная поддержка сыграла определяющую роль в защите правозащитников.

5. МЕТОДОЛОГИЯ И СБОР ДАННЫХ

Заказанное Фондом ДПЧ исследование представляет собой системный анализ типа «маппинг», используемый в разных дисциплинах – от библиотечного дела до инженерии. По сути, это «анализ, направленный на выявление не столько результатов, сколько взаимосвязей»¹. Как правило, маппинг – это анализ с вовлечением множества участников, в основе которого лежит изучение различных признаков анализируемой концепции, идеи или механизма, представляющих интерес для исследования, которые обычно выявляются в режиме плотных консультаций с важными заинтересованными субъектами. Замысел данного анализа заключался не в том, чтобы дать оценку функционированию инфраструктуры защиты правозащитников под угрозой, а скорее подготовить обзор существующих механизмов защиты в целевых странах с прицелом на следующие главные аспекты: (1) риски, влияющие на правозащитников и демократических гражданских активистов в целевых странах, (2) опыт взаимодействия правозащитников с существующими программами защиты, (3) пробелы в программах защиты, существующих в регионе на данный момент.

Сбор данных

С целью проведения анализа исследователи сначала провели кабинетное исследование, собрав и проанализировав данные из вторичных источников, в которых отражается как внешняя среда в сфере прав человека в целевых регионах, так и существующие виды деятельности по обеспечению защиты правозащитников в регионе и во всем мире. Учитывая, что немалые усилия в сфере защиты прилагаются и Фондом ДПЧ, а также отдельными партнерскими ДПЧ, исследователи изучили соответствующие отчеты данных организаций.

Вторичные данные, собранные в ходе кабинетного исследования, были дополнены первичными данными в ходе «полевого» сбора информации. В рамках сбора данных из первоисточников исследователи на первой стадии определили целевую выборку респондентов, в которую вошли лица, располагающие наиболее ценными сведениями о потребностях правозащитников и существующих механизмах защиты. Таким образом респондентами стали или сами правозащитники, сталкивающиеся с угрозой, или лица/организации, предоставляющие защиту (провайдеры). Для обеспечения разнообразия мнений и полноты собранных данных исследователи позаботились о том, чтобы респонденты представляли разные географические местности каждой страны, а также разные гендерные, возрастные, профессиональные группы. Особое внимание было уделено необходимости изучить точки зрения тех правозащитных сообществ, которые функционируют вне поля зрения внешних наблюдателей, из-за чего могут быть не включены в систему предоставления защиты. Для достижения данной цели метод целевой выборки был дополнен методом снежного кома, согласно которому респондентов просили подумать, известно ли им, кто может стать респондентом, представляющим подобную уязвимую группу.

В ходе первичного сбора данных проводились полуструктурированные очные и онлайн-интервью с представителями целевых стран. Изначально планировалось три выезда: в Беларусь, Грузию и одну из стран Центральной Азии, но по факту исследователи посетили

¹ Dianne Cooper, "What is a 'mapping study?'" Journal of Medical Library Association, 2016 Jan; 104(1), p. 76.

четыре страны: Азербайджан, Армению, Беларусь и Грузию. Выезд в Центральную Азию из-за пандемии COVID-19 пришлось отменить. Существовали опасения по поводу того, будут ли респонденты готовы говорить откровенно в дистанционном режиме. Однако благодаря долгосрочной работе ФДПЧ по защите и поддержке правозащитников доверие удалось установить довольно быстро, что помогло получить необходимые сведения. Сбор данных начался с Беларуси, где исследователи решили опросить более широкую выборку (50 человек). Вскоре выяснилось, что изначальный план провести в каждой стране по 20 интервью был верным, так как около этой цифры сбор данных достиг стадии насыщения. Еще одним исключением стала Украина, где было проведено 5 дополнительных интервью с правозащитниками, работа которых осуществляется в Крыму и Восточной Украине или направлена на эти регионы. Некоторых представителей начальной выборки в Таджикистане исследователям опросить не удалось, так как вследствие политики отрицания пандемии COVID-19 таджикскими властями ряд правозащитников не смог принять участие в исследовании по состоянию здоровья.

Рис. 1 Участники по возрасту

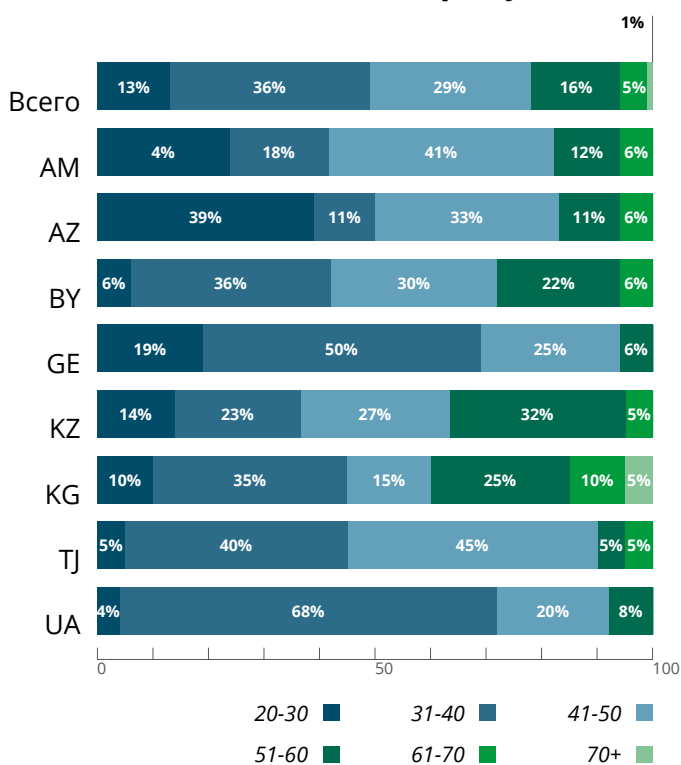
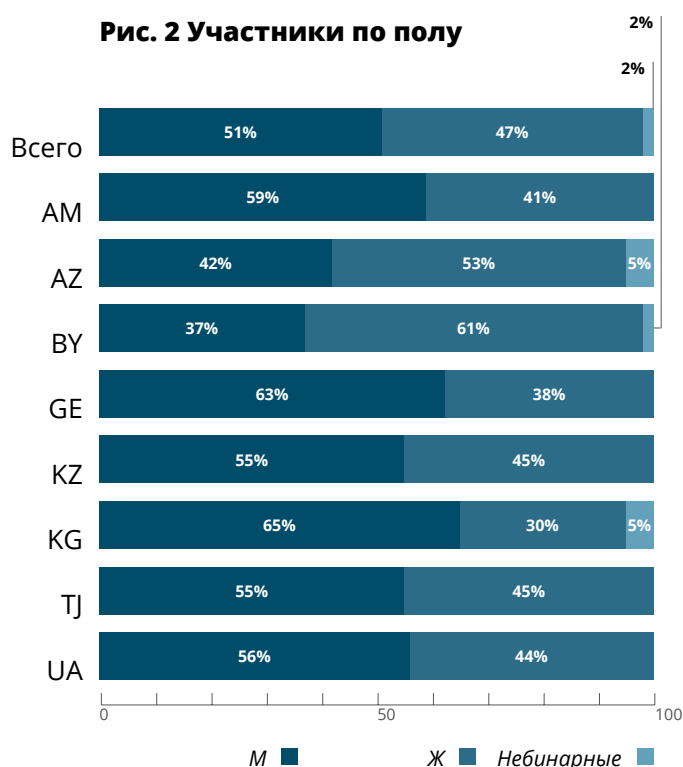

Рис. 2 Участники по полу

Сдерживающие факторы и возможности

Основным непредвиденным фактором, осложнившим проведение данного исследования, стала пандемия COVID-19, но были и другие сложности. К таковым можно отнести события, последовавшие в Беларуси после президентских выборов в 2020 г., из-за которых начались беспрецедентные репрессии, проявления жестокости и агрессии в отношении протестующих, в частности правозащитников, а также вторая война в Нагорном Карабахе, которая разразилась в самом конце исследования. Еще один серьезный сдерживающий фактор, с которым пришлось столкнуться исследователям, проистекал из географического охвата анализа и чувствительности изучаемой сферы, что отразилось на готовности (или неготовности) респондентов предоставить максимально полную информацию. Однако эти сложности удалось преодолеть с помощью тщательного и совместного с партнерами планирования и подхода, ориентированного на максимальное вовлечение участников. В процессе

выявления правозащитников и провайдеров защиты в целевых странах, а также внесения поправок в согласованный график работы с учетом сложностей, которые возникли в связи с пандемией и событиями в Беларуси, исследователи получили всестороннюю помощь от ФДПЧ. Во многом благодаря подходу, основывающемуся на максимальном вовлечении всех участников², а также долгосрочному присутствию ФДПЧ в регионе, удалось установить доверительные отношения с респондентами, что позволило в ходе интервью собрать максимально откровенные и подробные данные с учетом всех нюансов.

2 Чтобы исследование можно было считать действительно построенным на максимальном участии всех задействованных субъектов (participatory research), важно гарантировать, что респонденты воспринимаются не только как источники сведений, но и как лица, которые могут предложить какую-то новую точку зрения, применимую в отношении всего процесса сбора и анализа данных. С этой целью исследовательской командой было запланировано проведение трех аналитических мастерских для перепроверки и подтверждения результатов. Однако из трех запланированных удалось провести только одну аналитическую встречу. Она состоялась в Загребе (Хорватия) в октябре 2019 г., после завершения сбора данных в Беларуси. Замечания и предложения, полученные в Загребе, были использованы для тонкой настройки инструментов по сбору данных и для завершения формирования целевых выборок в остальных семи странах. Другие мастерские для проверки данных провести не удалось из-за COVID-19, но итоговый отчет был предоставлен представителям правозащитных сообществ каждой из целевых стран с целью проверки актуальности результатов и рекомендаций.

6. РЕГИОНАЛЬНЫЙ И СТРАНОВОЙ КОНТЕКСТ

Страны, охватываемые исследованием, относятся к постсоветскому пространству Восточной Европы и Центральной Азии. Независимость они (вновь) приобрели в 1991 году. В них по-прежнему ощущается негативное влияние со стороны России, препятствующее переходу к демократии и отчасти способствующее продвижению повестки, направленной против прав человека и гражданского общества. Зачастую данное влияние идет в связке с нарративом искаженных представлений о традиционных ценностях, привнесенным Россией в ООН³ в 2009 год. Этот нарратив отрицает всеобщий характер прав человека и воплощается в жизнь усилиями разных государств и негосударственных субъектов, таких как православные церкви и радикально-консервативные группировки. В Центральной Азии подъем консервативных исламских настроений также переплетен с понятием «возвращения к традиционным ценностям»⁴. Во всех странах, изучаемых в рамках исследования, отсутствуют всеобъемлющие комплексные политические и законодательные механизмы обеспечения благоприятной среды для осуществления правозащитниками их правомерной деятельности. В большинстве стран власти воспринимают правозащитников как противников, а не как союзников. Ложно сконструированный нарратив традиционных ценностей используется властями для обвинения правозащитников в том, что они якобы действуют против национальных интересов, что привело к дальнейшей изоляции и стигматизации правозащитников. В результате даже через 30 лет после объявления независимости правозащитная деятельность маргинализирована, и подобные тенденции, скорее всего, будут продолжаться, так как государства, охваченные исследованием, поступательно сужают пространство для гражданского общества, что делает работу правозащитников чем далее, тем более небезопасной⁵. В изучаемых здесь обществах — благодатная почва для давления на правозащитников и независимых гражданских деятелей. В них глубоко укоренены патриархальные тенденции, в связи с чем любые усилия по отстаиванию равенства и справедливости, борьбе с дискриминацией превращаются в постоянную гонку с препятствиями⁶.

В развитом мире, к сожалению, пространство для гражданского общества также сузилось. Тенденция наблюдалась еще до пандемии COVID-19. Она нашла отражение в до-

3 По мнению обозревателей и правозащитников, в тексте резолюции, принятой в декабре 2009 года Советом по правам человека, «предполагается, что «традиционные ценности» вносят исключительно положительный вклад в продвижение и защиту прав человека, и не признается, что отсылки к «традиционным ценностям» используются ... для оправдания многочисленных вредных практик [и могут приводить] к побочному эффекту в виде «непреднамеренного внедрения понятия культурного релятивизма»». Подробнее в оценке Human Rights Watch: <https://www.hrw.org/news/2009/10/02/un-human-rights-council-traditional-values-vote-and-gaza-overshadow-progress> по состоянию на 21 марта 2021 г. Полный текст резолюции Совета по правам человека о традиционных ценностях: <https://digitallibrary.un.org/record/668115> по состоянию на 21 марта 2021 г. Дополнительная оценка «традиционалистской повестки», продвигаемой Россией – Kristina Stoeckl and Kseniya Medvedeva, “Double Bind at the UN: Western Actors, Russia, and the Traditionalist Agenda,” *Global Constitutionalism*, Volume 7, Issue 3, Nov. 2018, pp 383-421: <https://www.cambridge.org/core/journals/global-constitutionalism/article/abs/double-bind-at-the-un-western-actors-russia-and-the-traditionalist-agenda/FA07569467BF47076BFCF08F74261386> по состоянию на 21 марта 2021 г.

4 Galym Zhussipbek, Dilshod Achilov, Zhanar Nagayeva, “Some Common Patterns of Islamic Revival in Post-Soviet Central Asia and Challenges to Develop Human Rights and Inclusive Society,” *Religions* 2020, 11(11), 548: <https://www.mdpi.com/2077-1444/11/11/548> по состоянию на 30 марта 2021 г.

5 Более подробная информация и сведения по отдельным странам об условиях работы гражданского общества и правозащитников: Freedom House Nations in Transit Reports: <https://freedomhouse.org/report/nations-transit> по состоянию на 21 марта 2021 г., а также страновые доклады по практике прав человека Госдепа США: <https://www.state.gov/reports-bureau-of-democracy-human-rights-and-labor/country-reports-on-human-rights-practices/> по состоянию на 21 марта 2021 г., и ежегодные Всемирные доклады Human Rights Watch: <https://www.hrw.org/previous-world-reports> по состоянию на 21 марта 2021 г.

6 Подтверждается собственным мониторингом ФДПЧ ситуации в Азербайджане, Армении, Грузии, Беларуси и Украине. Также см. Foreign Policy Centre, *The Rise of the Illiberal Civil Society in the former Soviet Union* (2018): <https://fpc.org.uk/wp-content/uploads/2018/07/The-rise-of-illiberal-civil-society-in-the-former-Soviet-Union.pdf> по состоянию на 21 марта 2021 г.

кладе Спецдокладчика по праву на свободу мирных собраний и объединений в 2014 г.⁷ Данная глобальная тенденция к сужению пространства для деятельности гражданского общества приободрила представителей авторитарных и полудемократических (гибридных) режимов, в том числе на постсоветском пространстве, которые раньше ощущали на себе хоть какой-то контроль со стороны международного сообщества. К тому же снижение интереса к защите прав человека среди некоторых западных демократических стран усугубило положение правозащитников и организаций гражданского общества, не в последнюю очередь в связи с сокращением международного финансирования, выделяемого на поддержку их работы. Еще одним фактором, усложняющим положение правозащитников и сужающим пространство для деятельности независимого гражданского общества, в том числе в странах, охваченных настоящим исследованием, стали принятые во многих странах мира законодательные акты об иностранном финансировании. В последние годы правомерной работе правозащитников постоянно мешает повышенная необходимость защищаться от актов мести и гонений, будь то в виде словесных или физических нападений, слежки, угроз, клеветы⁸.

Еще один способ, который недемократические режимы используют для подавления работы на благо демократизации и прав человека у себя в стране – создание и оказание поддержки организациям гражданского общества, имитирующим деятельность независимых общественных структур и при этом продвигающим политические интересы режима (как на международном, так и на национальном уровне). Подобные «ручные» организации, называемые «ГОНГО» (т.е. НПО, подконтрольные властям), направляются на международные мероприятия и в адвокационные поездки, где они представляют «альтернативную» точку зрения, что в свою очередь ослабляет реальную работу демократического гражданского общества и преследует цель подмены независимых НПО послушными режиму⁹. Сами того не зная, благонамеренные международные структуры порой оказываются неспособны отличить ГОНГО от независимых гражданских организаций и легитимируют их путем предоставления грантов или проведения совместных встреч, что на самом деле только на руку авторитарным и полудемократическим режимам. Это явление зафиксировано в ряде исследований, в том числе в аналитической справке о состоянии гражданского общества в регионе «Восточного партнерства», внесенной в Европарламент. Там подчеркивается, что режимы стран ВП прилагают усилия «по дискредитации представителей и площадок подлинного местного гражданского общества путем образования конкурирующих структур (ГОНГО)», и высказываются предостережения в адрес ЕС, чтобы подобные субъекты не имели доступа к его механизмам финансирования¹⁰. В настоящем исследовании данная тревожная тенденция нашла подтверждение.

По типу режима управления и индексу демократии, отражающему уровень свободы, которым пользуются правозащитники, и соответствующему выявленному в ходе анализа уровню оказываемого на них давления и угроз, охваченные исследованием страны можно разделить на две группы. Армения, Грузия, Кыргызстан и Украина обычно расцениваются как гибридные режимы с недостроенной демократией, где свободы гражданам гарантированы лишь частично. Азербайджан, Беларусь, Казахстан и Таджикистан – страны с авторитар-

7 См. Maina Kiai, Promotion and protection of all human rights, civil, political, economic, social and cultural rights, including the right to development, Human Rights Council, Report A/HRC/26/29: http://freeassembly.net/wp-content/uploads/2014/05/A-HRC-26-29_en1.pdf и Maina Kiai, Promotion and protection of human rights: human rights questions, including alternative approaches for improving the effective enjoyment of human rights and fundamental freedoms, UN General Assembly, Report A/70/266, 2015: http://freeassembly.net/wp-content/uploads/2015/09/A_70_266_ENG.pdf оба документа по состоянию на 18 марта 2021 г.

8 Подробнее об этих и других проблемах, с которыми сталкиваются правозащитники и независимое гражданское общество – в докладах ФДПЧ: «Как противостоять болезням демократии в Европе. Анализ тактики нелиберальных правительств в целях борьбы с ними же (на примерах Венгрии, Польши, Сербии и Хорватии) (2017 г.): <https://humanrightshouse.org/noop-media/documents/22945.pdf> и Funding Civil Society: How adaptable international donors can support organisations under increasing restriction (2017): https://humanrightshouse.org/wp-content/uploads/2017/11/2017_09-Funding-Civil-Society-web.pdf оба документа по состоянию на 20 марта 2021 г.

9 Подробнее о распространении ГОНГО на постсоветском и посткоммунистическом пространстве – в исследовании ФДПЧ «Как противостоять болезням демократии в Европе».

10 Vera Rihackova, Briefing Paper Human Rights in Eastern Partnership Countries, внесена в ЕП по просьбе Подкомитета по правам человека: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2011/457048/EXPO-DROI_NT\(2011\)457048_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2011/457048/EXPO-DROI_NT(2011)457048_EN.pdf) (июль 2011 г.) по состоянию на 20 марта 2021 г. В документе подчеркивается тенденция к поддержке ГОНГО со стороны режимов и отмечается: «В этом смысле незащищенными от проблем подобного рода являются и Форум гражданского общества Восточного партнерства (сеть гражданского общества под эгидой ЕС), и его национальные платформы, в частности, в Армении, Грузии, Азербайджане», р. 7.

ным режимом и несвободным обществом¹¹.

Исследование проведено в конце 2019 – первой половине 2020 гг. в условиях пандемии COVID-19 и до второй войны в Нагорном Карабахе между Азербайджаном и Арменией, до выборов в августе 2020 г. в Беларуси и последовавших за ними событий, до революции осени 2020 г. в Кыргызстане. Все эти события только обострили положение правозащитников и демократических субъектов гражданского общества в этих странах. Поступающие в ФДПЧ сведения свидетельствуют о том, что имеют место угрозы еще более жестких гонений и общий упадок демократии¹². Временные рамки проведения исследования не позволили аналитикам принять во внимание воздействие этих событий на защиту правозащитников, но на актуальности и правдивости заключений это не отразилось. Скорее наоборот, тем более очевидна необходимость срочных мер для оказания поддержки правозащитникам в регионе.

6.1. Гибридные режимы: Армения, Грузия, Кыргызстан, Украина

Группа государств с гибридной демократией отличается от других тем, что там есть возможность смены власти посредством выборов. В этих странах обычным явлением являются хоть и небезупречные, но регулярные выборы на конкурентной основе. С разной степенью успеха в странах этой группы проходили «цветные» или мирные революции. Гражданское общество активно и жизнеспособно, но нередко случаются нападения на правозащитников, в том числе журналистов, угрозы в их адрес, клеветнические кампании и другие формы притеснения и запугивания. Плюрализма в масс-медиа все больше, но поляризация по-прежнему сильна. У судебной власти нет полной независимости, как минимум сохраняется коррупция на высоком уровне. Серьезной проблемой остается низкая подотчетность правоохранительных органов и слабость демократических институтов. При этом национальные омбудсмены имеют возможность осуществлять свои конституционные полномочия. Во всех странах также наблюдается рост активности праворадикальных ультранационалистических группировок, выбирающих правозащитников в качестве мишеней.

После Бархатной революции 2018 г. в **Армении** «произошли осторожные подвижки в сторону свободы»¹³, которые могли быть и свернуты в результате происшествий после второй карабахской войны, приведших к вспышке внутреннего насилия, включая физические атаки на правительственные здания и спикера парламента. Как утверждают представители Freedom House, «подобные беспорядки являются угрозой для прогресса, достигнутого в стране с таким трудом, и могут стать толчком для цепочки событий, в результате которой Армения приблизится к наблюдающимся в соседних странах авторитарным тенденциям»¹⁴. Несмотря на расширение свобод после 2018 года и улучшения имиджа гражданского общества, как отмечено в отчетах Ереванского ДПЧ, защитники прав ЛГБТКИ, женщины-правозащитницы, эко-активисты сталкиваются с серьезными угрозами, стигматизацией, давлением¹⁵. Еще одним основанием для беспокойства является подъем «националистических и шовинистских» гражданских инициатив¹⁶.

В **Грузии**, которую долгое время считали лидером среди стран «Восточного партнерства», происходит откат в уровне демократии и свобод, что наиболее наглядно отражается в паде-

11 Классификация по Глобальному индексу демократии The Economist (<https://www.economist.com/graphic-detail/2021/02/02/global-democracy-has-a-very-bad-year>), рейтингу Freedom House в отчетах Global Freedom Score (<https://freedomhouse.org/countries/freedom-world/scores>) и Индексу политической трансформации Bertelsmann Foundation (<https://www.bti-project.org/en/home.html?d=D&cb=00000>) по состоянию на 21 марта 2021 г.

12 О влиянии пандемии COVID-19 – статья Maria Dahle, “The Authoritarian Virus”: <https://humanrightshouse.org/articles/the-authoritarian-virus/> по состоянию на 21 марта 2021 г.

13 Sarah Lepucci and Amy Splitowitz, “Democracy under Siege,” Freedom in the World 2021 Report by Freedom House, p. 7 Отчет доступен по адресу: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2021-02/FIW2021_World_02252021_FINAL-web-upload.pdf по состоянию на 21 марта 2021 г.

14 Там же.

15 Годовой отчет Дома прав человека в Ереване за 2019г.: <https://hrhyerevan.org/en/2020/04/27/human-rights-house-yerevan%2019-annual-report-2019-en/> по состоянию на 22 марта 2021 г.

16 См. Страновой отчет Freedom House по Армении за 2020г. Nations in Transit Armenia: <https://freedomhouse.org/country/armenia/nations-transit/2020> по состоянию на 22 марта 2021 г.

нии рейтинга демократии Freedom House. После парламентских выборов 2020 г. общество всколыхнуло политический кризис, в результате которого власть фактически оказалась в руках одной партии. Несмотря на негативные тенденции, в стране по-прежнему есть крепкий гражданский сектор, в котором в последнее время заметна новая волна экологических, молодежных, низовых движений и организаций по защите меньшинств. Как местные, так и международные продемократические субъекты часто попадают в прицел клеветнических нападок в СМИ, заказанных представителями верхних эшелонов власти и ведущими политиками, но наиболее ярко выражены угрозы в адрес защитников прав ЛГБТКИ, нередко подогреваемые «антилиберальными» субъектами, в том числе Православной церковью, что привело к нормализации праворадикальной риторики, направленной против меньшинств, мигрантов и других незащищенных групп¹⁷. Продолжается российская оккупация Абхазии и Южной Осетии, из-за чего эти регионы страны по-прежнему отрезаны от грузинского гражданского общества.

После Евромайдана 2013–2014 гг. в **Украине** проводились позитивные реформы, но сохраняются и серьезные вызовы, не в последнюю очередь в связи с повальной коррупцией. Гражданское общество относительно свободно в действиях, но его активисты подвергаются нападениям, после которых виновников нередко не привлекают к ответственности. Как и в остальных режимах гибридного типа, особенно часто предпринимаются выпады против защитников прав ЛГБТКИ, антикоррупционных инициатив гражданского контроля, эко-активистов. На подъеме праворадикальные группировки¹⁸. С февраля 2014 г. Россией оккупирован Крым, на территории которого фиксируются широко распространенные нарушения прав человека, многим субъектам гражданского общества пришлось уехать. Уже 7 лет продолжается вооруженный конфликт на востоке Украины, в связи с чем местными и международными правозащитными субъектами зачастую наблюдаются проявления истощения и выгорания среди правозащитников, особенно в регионах¹⁹.

Среди стран с гибридным режимом самое низкое место по развитию демократии и свободе общества занимает **Кыргызстан**²⁰. При этом гражданское общество этой страны проявляет себя наиболее ярко в масштабе всего региона Центральной Азии. Часто про него говорят, что это самый здоровый институт в стране, но и наименее защищенный, так как он находится под угрозой как со стороны госаппарата, так и антилиберальных националистических группировок. По сравнению с другими гибридными странами, в Кыргызстане гораздо выше уровень угроз для безопасности правозащитников, наглядной демонстрацией чему стала смерть в тюрьме в июле 2020 г. выдающегося правозащитника Азимжана Аскарова, попавшего в заключение по необоснованному обвинению²¹. Еще одна тенденция, которая не может не вызывать тревогу, наметилась после проблемных выборов в парламент в 2020 г., после которых в январе 2021 г. был избран новый президент – многие опасаются, что он возьмет курс на установление авторитарного режима. Наверняка ухудшится ситуация для правозащитников и независимого гражданского общества, поскольку проект конституции, внесенный новым правительством, под предлогом защиты детей несет в себе серьезные угрозы для основополагающих прав на свободу слова, собраний, объединений, а также содержит много положений, налагающих на ОГО, политические партии и профсоюзы новые и обременительные требования финансовой отчетности²².

17 Freedom in the World 2021 Report и 2020 Nations in Transit Georgia Country Report by Freedom House (о положении гражданского общества в Грузии). Подробнее о ситуации правозащитников и ЛГБТКИ: Legal Situation of LGBTI persons in Georgia Report by Human Rights Education and Monitoring Center (EMC): https://ge.boell.org/sites/default/files/emc_legal_situation_of_lgbti_persons_in_georgia_eng.pdf, и отчет Дома прав человека в Тбилиси Thematic Report about the State of HRDs in Georgia: Obstacles and Challenges 2020 (9 декабря 2020 г.) по состоянию на 21 марта 2021 г. О словесных нападениях на местные и международные ОГО, 2020 Nations in Transit Georgia Country Report: <https://freedomhouse.org/country/georgia/nations-transit/2020> по состоянию на 19 марта 2021 г.

18 <https://freedomhouse.org/country/ukraine/freedom-world/2020>, по состоянию на 22 марта 2021 г.

19 О влиянии российской оккупации – Заец, С., Матвийчук, А., Печончик, Т., Свиридова, Д., Скрипник, О. (2016), "Полуостров страха: хроника оккупации и нарушений прав человека в Крыму": https://helsinki.org.ua/wp-content/uploads/2016/05/PeninsulaFear_Book.pdf по состоянию на 22 марта 2021 г.

20 См. страновые доклады Nations in Transit по Кыргызстану за 2020 и 2019 гг.: <https://freedomhouse.org/country/kyrgyzstan/nations-transit/2020> и <https://freedomhouse.org/country/kyrgyzstan/nations-transit/2019>, оба документа по состоянию на 20 марта 2021 г.

21 См. Всемирный доклад 2021 — Кыргызстан: События 2020", Human Rights Watch at <https://www.hrw.org/world-report/2021/country-chapters/kyrgyzstan> по состоянию на 20 марта 2021 г.

22 Ayzirek Imanaliyeva, "Kyrgyzstan: Constitution Draft and Japarov Decrees Hint at Authoritarian Future," Eurasianet, 4 февраля 2021 г.: <https://eurasianet.org/kyrgyzstan-constitution-draft-and-japarov-decrees-hint-at-authoritarian-future> and Human Rights Watch, Kyrgyzstan: withdraw problematic draft Constitution, 5 марта 2021 г.: <https://www.hrw.org/news/2021/03/05/kyrgyzstan-withdraw-problematic-draft-constitution>, оба документа по состоянию на 27 марта 2021 г.

6.2. Авторитарные режимы: Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Таджикистан

Группе государств с авторитарной формой правления свойственно отсутствие сменяемости власти посредством справедливых и прозрачных выборов. Власть в таких государствах в целом и в целом остается в руках советского «правлящего класса», которому присущи самые разнообразные формы коррупции. Организации гражданского общества и правозащитники, в том числе адвокаты, страдают от волн репрессий и преследований. Органы власти в данной группе государств не терпят публичного протеста. Для подавления инакомыслия применяется насилие. Гражданское пространство по сути закрыто. В каждой из этих стран счет политзаключенных идет на десятки, в их числе – и несправедливо осужденные правозащитники. Происходит подавление СМИ и журналистской деятельности, урезается свобода использования интернета, ветви власти зачастую срastaются друг с другом. Многочисленные административные барьеры и жесткое законодательство, регулирующее деятельность НПО и получение грантов, еще более сужают пространство для деятельности ОГО. По-прежнему распространено плохое обращение, служба государственных защитников несамостоятельна и неэффективна²³.

Режим в **Азербайджане** удерживает власть с 1993 года. Традиционная работа НПО практически сведена на нет законодательством о деятельности НПО и получении грантов, пространство для общественной активности ограничено и закрыто. Сопровождаемые санкциями требования к НПО о регистрации грантов и их использовании властями применяются произвольно с целью закрыть рот критикам. Большинство независимых медиа-платформ с 2017 года заблокированы. С 2014 года против всех несогласных (в том числе против политической оппозиции, журналистов, правозащитников, адвокатов прав человека) в стране началась массовая волна репрессий. За решеткой в Азербайджане постоянно находится около 100 политзаключенных. Многие известные лидеры гражданского общества и журналисты либо уехали за рубеж, либо были арестованы по надуманным уголовным обвинениям. Большинство из последних к 2019 г. были освобождены²⁴. Все это привело к ослаблению гражданского сектора и высокому уровню недоверия в нем. Гражданское общество Азербайджана практически представляет из себя сообщество отдельных лиц, что исключает возможность укрепления институционального потенциала сектора. При этом в секторе наблюдаются новые ростки активности, в первую очередь среди правозащитниц.

Во многом азербайджанскую ситуацию напоминает **Беларусь**, где нынешний президент находится у власти с 1994 года. Критически настроенное гражданское общество не может функционировать из-за многочисленных политических и юридических ограничений, таких как произвольный процесс регистрации, жесткие наказания за деятельность без регистрации, ограниченный доступ к иностранному финансированию. Выборы президента в августе 2020 г. еще раз показали истинное лицо режима, который попытался заглушить голоса инакомыслящих незаконными многотысячными задержаниями. Сотни протестующих подверглись пыткам и жестокому обращению. Прокуратура возбудила сотни политически мотивированных уголовных дел, многие из которых направлены против правозащитников. По состоянию на момент подготовки отчета в правительстве идет разработка законопроекта об иностранных агентах, за решеткой по сфабрикованным обвинениям остаются десятки правозащитников, в том числе волонтеры и адвокаты. В марте 2021 года возбуждено дело

23 См. Всемирный доклад 2020 (https://www.hrw.org/sites/default/files/world_report_download/hrw_world_report_2020_0.pdf) и Всемирный доклад 2019 (https://www.hrw.org/sites/default/files/world_report_download/hrw_world_report_2019.pdf) подготовленные Human Rights Watch, оба документа по состоянию на 22 марта 2021 г.

24 Дополнительная информация о ситуации в Азербайджане: Human Rights House Network and Freedom Now, Breaking Point in Azerbaijan: Promotion and Glamour Abroad, Repression and Imprisonment at Home (12 мая 2015 г.): <https://humanrightshouse.org/articles/unprecedented-crack-down-on-civil-society-in-azerbaijan-ahead-of-european-olympic-games-says-report/>, (2) Резолюция 2322 (2020) Парламентской Ассамблеи Совета Европы о распространенных случаях политических заключенных в Азербайджане: “and (3) with “и (3)”; “(9 June 2020) at” with “(9 июня 2020 г.): <https://www.az-netwatch.org/news/azerbaijan-may-end-up-blocking-more-online-content/>, все документы по состоянию на 25 марта 2021 г.

против одного из крупнейших правозащитных объединений страны «Вясна»²⁵, а организации, у которых в феврале 2021 года проведены обыски и конфискации имущества, готовятся к новому этапу преследования.

В Казахстане единственный президент страны с начала независимости ушел с поста в 2019 году, но от власти не отказался. Критики властей сталкиваются с гонениями, подавляется свобода слова, особенно в контексте пандемии Covid-19. Правовые нормы, направленные на борьбу с экстремизмом и терроризмом, используются не по назначению – для подавления гражданского общества и удержания под стражей десятков политзаключенных, в том числе правозащитника Макса Бокаева, который на момент подготовки отчета по-прежнему находится под незаконным арестом. Несмотря на общую неблагоприятную среду, в последние годы в гражданском обществе Казахстана наблюдалось относительное оживление. Несколько сильных ОГО и отдельных экспертов ведут неустанную работу по решению проблем в области прав человека. В этих усилиях они пользуются поддержкой относительно свободных (по сравнению с другими автократическими режимами) СМИ. Однако остается немало поводов для беспокойства, в том числе новая волна преследования в отношении крупнейших НПО и выдающихся правозащитников страны, начатая в декабре 2020 г. налоговыми органами при поддержке политически мотивированных судебных процессов²⁶.

В Таджикистане во главе страны с 1992 года находится один и тот же лидер и его семья. Таджикские власти постоянно применяют практику лишения свободы критиков власти, в том числе адвокатов прав человека, притесняют родственников беглых диссидентов, добиваются возвращения в страну политических оппонентов с помощью политически мотивированных запросов об экстрадиции²⁷. Точное число политзаключенных определить тяжело, но «по сообщениям властей, в 2018 году в тюрьмах находилось 239 человек, состоявших в запрещенных политических партиях или движениях»²⁸. Власти жестко ограничивают основные свободы, в том числе с применением цензуры в интернете. К тому же, «регулирующими органами оказывается давление на НПО, работающие по политически острым вопросам. Законодательная база по отношению к ОГО враждебна»²⁹. Сложности, с которыми сталкиваются гражданские активисты и правозащитники, были усугублены отрицанием таджикскими властями пандемии COVID-19. Многие из них из-за вируса не смогли продолжать работу, а к общей враждебности среды добавилась необходимость самостоятельно предпринимать меры предосторожности, чтобы сохранить здоровье.

25 Дополнительная информация о ситуации в Беларуси: Доклады Human Rights Watch и Freedom House: <https://www.hrw.org/world-report/2021/country-chapters/belarus> и <https://freedomhouse.org/country/belarus/nations-transit/2020>, а также следующие публикации: (1) Фонд домов прав человека, "Belarusian authorities must immediately end the coordinated attacks against human rights defenders, journalists and organisations," 16 февраля 2020 г.: <https://humanrightshouse.org/statements/belarusian-authorities-must-immediately-end-the-coordinated-attack-against-human-rights-defenders-journalists-and-organisations/>, (2) Всемирная организация против пыток, Belarus: Judicial Harassment against Viasna: <https://www.omct.org/en/resources/urgent-interventions/belarus-judicial-harassment-against-viasna>, и (3) 112 Ukraine: "Belarus Wants to Adopt Law on Foreign Agents" (16 февраля 2021 г.): <https://112.international/politics/belarus-wants-to-adopt-law-on-foreign-agents-59013.html>, все документы по состоянию на 27 марта 2021 г.

26 Дополнительная информация о ситуации в Казахстане: Доклады Human Rights Watch и Freedom House: <https://www.hrw.org/world-report/2021/country-chapters/kazakhstan> and <https://freedomhouse.org/country/kazakhstan/nations-transit/2020>, а также: (1) End Campaign against Human Rights NGOs, заявление Координационного комитета Платформы гражданской солидарности (29 января 2021 г.): <https://www.omct.org/en/resources/urgent-interventions/kazakhstan-end-campaign-against-human-rights-ngos> и (2) Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом, принятый Советом по правам человека на 43й сессии (24 февраля — 20 марта 2020 г.): <https://digitallibrary.un.org/record/3852204?ln=en>, все документы по состоянию на 27 марта 2021 г.

27 Подробнее: 2020 Nations in Transit Tajikistan Country Report: <https://freedomhouse.org/country/tajikistan/nations-transit/2020> и «Всемирный доклад — 2021. Таджикистан: события 2020 года» Human Rights Watch: <https://www.hrw.org/world-report/2021/country-chapters/tajikistan>, оба документа по состоянию на 20 марта 2021 г.

28 Госдепартамент США, 2019 Tajikistan Country Report on Human Rights Practices, p. 6: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/03/TAJIKISTAN-2019-HUMAN-RIGHTS-REPORT.pdf>, по состоянию на 21 марта 2021 г.

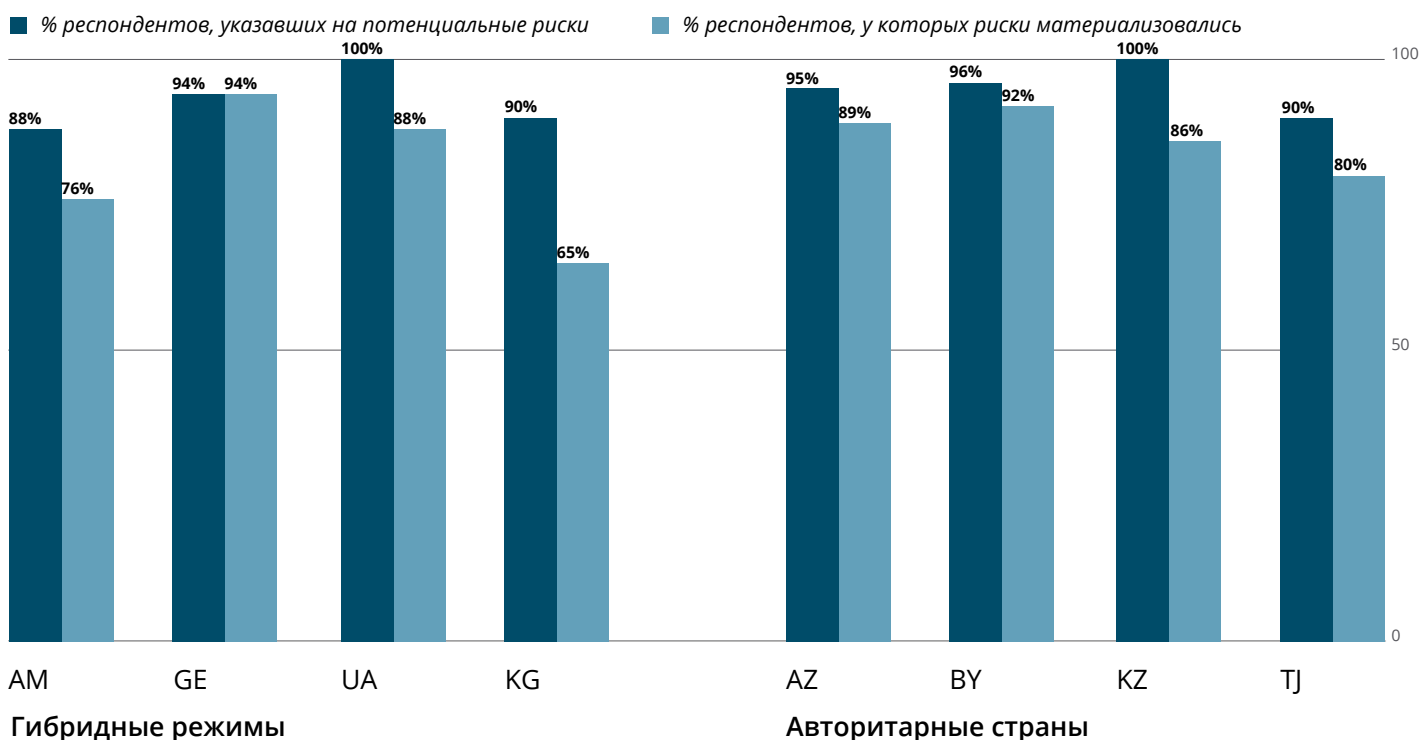
29 2020 Nations in Transit Tajikistan Country Report.

7. РИСКИ ДЛЯ ПРАВОЗАЩИТНИКОВ

7.1. Потенциальные и материализовавшиеся риски

Респондентов спрашивали о потенциальных и осуществившихся рисках³⁰ как в режиме онлайн, так и в реальной жизни, с которыми они столкнулись в течение последних трех лет (начиная с 2016–2017 гг.) в своей правозащитной работе. Потенциальные риски диктуют определенные условия, к которым правозащитникам приходится приспосабливаться в профессиональной и повседневной жизни, что отражается на их эмоциональном и пр. благополучии. Также на основании анализа потенциальных рисков принимаются решения и меры предосторожности на уровне человека и организации. В нижеприведенной таблице содержится более детальная информация о потенциальных и материализовавшихся (осуществившихся) рисках, из которой следует, что во всех восьми странах независимо от типа режима у преобладающего большинства правозащитников потенциальные риски в течение определенного отрезка времени материализовались.

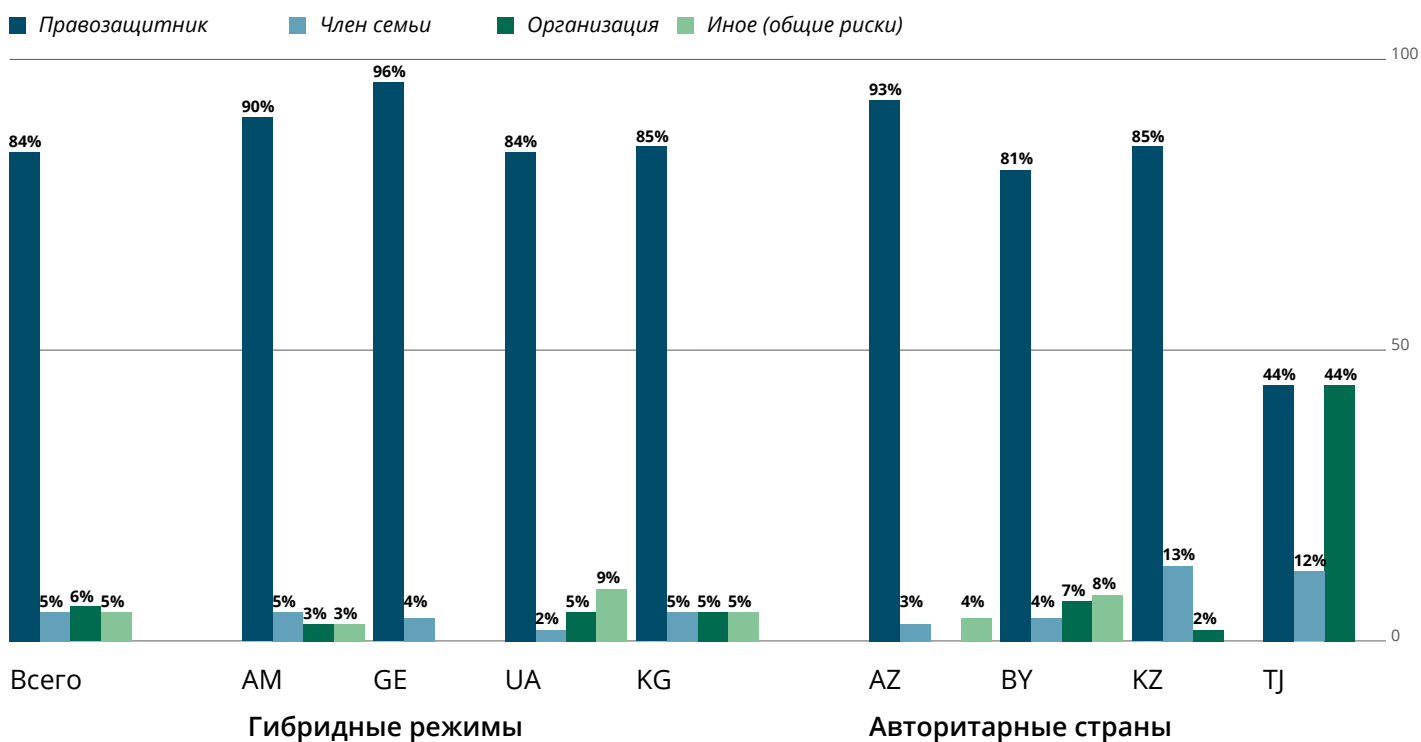
Рис. 3 Потенциальные и материализовавшиеся риски

³⁰ Потенциальный риск – тот, который еще не проявился в реальности, но может проявиться. Это не то же самое, что и воображаемый риск, который может не быть ни потенциальным, ни осуществившимся (материализовавшимся), но разумный человек может себе представить возможность такого риска, что также может предполагать необходимость определенных мер. Анализ концентрировался на выявлении осуществившихся и потенциальных рисков. Воображаемые риски не изучались.

Не менее важно, что, по утверждению респондентов, с подобными рисками сталкиваются не только сами правозащитники, но иногда и их организации, зачастую и члены семей. Выделяется Таджикистан, где в равной мере осуществляется давление на отдельных правозащитников и на представляемую ими организацию. Это интересное наблюдение, которое заслуживает дальнейшего изучения, особенно с учетом медленного развития гражданского сектора в Таджикистане и недавних попыток со стороны таджикских властей еще больше ограничить пространство для деятельности ОГО с помощью внесения поправок в кодексы о налогах и об административных правонарушениях³¹.

Рис. 4 Материализовавшиеся риски: на ком отразились

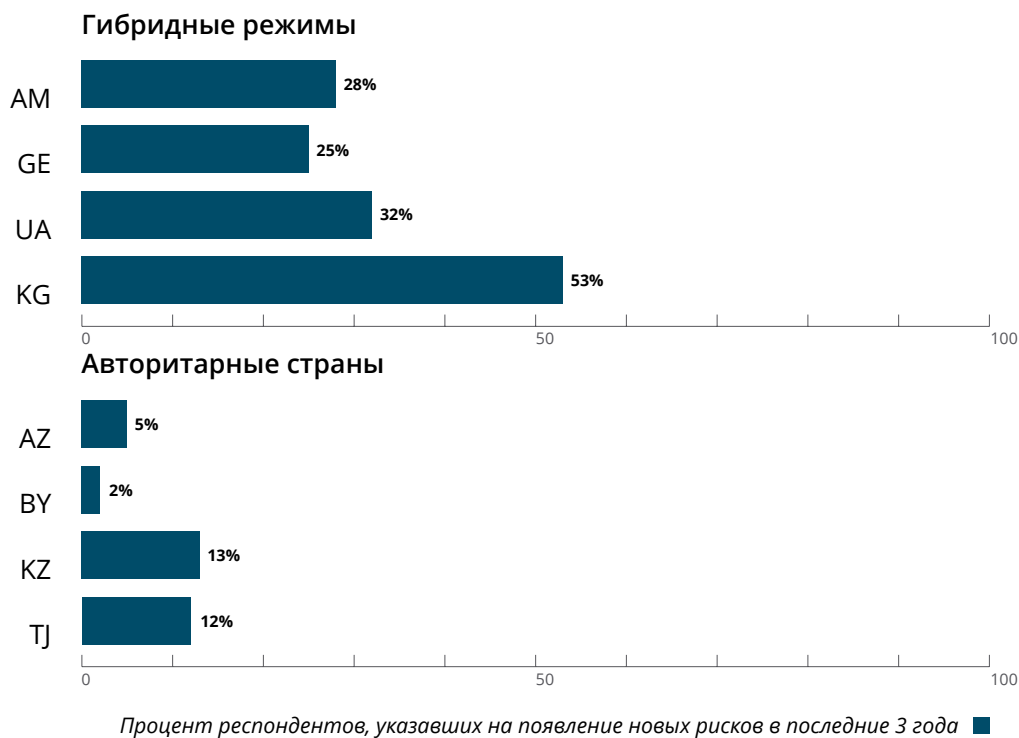

³¹ Международный центр некоммерческого права (ICNL), Civic Freedoms Updates: Tajikistan: [https://www.icnl.org/resources/civic-freedom-monitor/tajikistan#:~:text=Civil%20society%20organizations%20\(CSOs\)%20in,and%20the%20process%20of%20democratization](https://www.icnl.org/resources/civic-freedom-monitor/tajikistan#:~:text=Civil%20society%20organizations%20(CSOs)%20in,and%20the%20process%20of%20democratization) по состоянию на 24 марта 2021 г.

Респондентам также был задан вопрос, являются ли риски, которым они подвергаются, новыми (возникли в течение последних трех лет) или стабильными. Ответы подтверждают, что в странах с гибридным режимом наблюдается рост рисков для правозащитников.

Данные о правозащитниках, столкнувшихся с угрозами в связи с выполняемой ими правозащитной работой, подтверждают масштаб давления на правозащитников, а также служат четким индикатором огромного давления, которое они испытывают в процессе выполнения своей правомерной работы. В комбинации с возникновением новых рисков для правозащитников в гибридных странах полученные данные можно считать тревожным звоночком, указывающим на возможную траекторию дальнейшего развития гибридных режимов и их близости к авторитарным государствам. Острота угроз, с которыми сталкиваются правозащитники в странах с гибридным и авторитарным режимами, различается, но даже в странах с более продвинутым уровнем демократии защита прав человека – чем далее, тем более небезопасное занятие. К тому же, как показывают результаты, правозащитницы сталкиваются с особыми дополнительными рисками, которые обычно не распространяются на их коллег-мужчин, в частности, с угрозами сексуального насилия и причинения вреда их детям.

Рис. 5 Новые риски

7.2. Наиболее распространенные риски по странам

В группе стран с гибридным режимом у правозащитников преобладают следующие риски³²:

Рис. 6 Основные риски по странам. Гибридные режимы

	Армения	Грузия	Украина	Кыргызстан
1	Угрозы насилия	Угрозы насилия	Физические нападения	Угрозы насилия
2	Клеветнические кампании*	Клеветнические кампании, в т.ч. «онлайн-троллинг»**	Угрозы насилия	Физические нападения
3	Травля онлайн***	Травля онлайн	Цифровые атаки (атаки DDoS**** на сайт, взлом учетных записей и IT-инфраструктуры)	Клеветнические кампании
4	Физические нападения	Физические нападения	Травля онлайн	

* Под клеветнической кампанией подразумеваются согласованные действия по разным каналам, в том числе в социальных сетях, с целью очернить и опорочить репутацию правозащитника.

** «Онлайн-троллинг» здесь называется согласованная кампания, осуществляемая пользователями социальных сетей, с целью запугать и затравить правозащитника, подорвать репутацию. За онлайн-троллинг чаще всего стоит государство, но иногда и негосударственные субъекты. Совсем недавно случай организованного властями троллинга против деятелей гражданского общества, в том числе против правозащитников, подтвержден в Грузии.

*** Травля онлайн – более локальные проявления вражды в отношении правозащитника в социальных сетях, не обязательно являющиеся частью скоординированной атаки. Травля применяется, чтобы угрожать или запугивать правозащитников, и носит дискриминационный характер. Зачастую в ходе подобных нападков присутствует язык ненависти, который представляет собой «все формы защиты, поощрения или подстрекательства к унижению, вражде или поношению лица или группы лиц, а также любое проявление притеснений, оскорблений, создания негативных стереотипов, стигматизации или угроз в отношении такого лица или лиц, которое базируется на личных характеристиках или статусе». Язык ненависти также может применяться в ходе клеветнических кампаний.

**** Атака DDoS (distributed denial-of-service – распределённая атака типа «отказ в обслуживании») – это «злонамеренная попытка помешать нормальному трафику на выбранном в качестве мишени сервере, службе, сети путем чрезмерной загрузки объекта атаки или окружающей его инфраструктуры потоком интернет-трафика».

Среди других рисков, заслуживающих отдельного внимания, можно упомянуть (по странам):

- В **Армении** – попадание в «список» НПО, связанных с Фондом «Открытое общество — Армения».
- В **Грузии** – риск потери работы в связи с активизмом.
- Особые, не свойственные другим странам риски в **Украине**: растущая популярность правых политических сил в Европе, что приводит к пророссийским решениям в сфере международной политики; срыв судебных заседаний и нарушения свободы передвижения (запрет на въезд в оккупированный Россией Крым).
- В **Кыргызстане** распространен риск запугивания со стороны правоохранительных органов в виде вызова «на беседу», менее свойственный другим гибридным режимам и отражающий уклон в сторону группы стран с авторитарным укладом.

Важно подчеркнуть, что правозащитницам приходится справляться с угрозами, поступающими в адрес их детей, особенно в Грузии, Кыргызстане, Армении.

Как и следовало ожидать, в авторитарных странах респонденты сталкиваются с более ши-

³² В рамках отчета основными или преобладающими рисками считаются риски, определенные в качестве таковых в ходе смешанного количественного и качественного анализа ответов респондентов. Они были названы существенным количеством респондентов в конкретной стране как в категории потенциальных, так и материализовавшихся. Как правило, вверху «рейтинга» находятся материализовавшиеся риски, а потенциальные идут дальше по списку.

роким спектром рисков, которые негативно отражаются на широких слоях правозащитного сообщества этих стран и оказывают долгосрочное отрицательное воздействие на гражданское общество.

Рис. 7 Основные риски по странам. Авторитарные режимы

	Азербайджан	Беларусь	Казахстан	Таджикистан
1	Незаконное задержание	Административное преследование и штрафы	Незаконное задержание	Произвольные проверки деятельности организации
2	Онлайн-слежка, прослушивание	Незаконное задержание	Угрозы насилия	Запугивание со стороны правоохранительных органов (вызов на беседу)
3	Цифровые атаки (атаки DDos на сайт, взлом учетных записей и IT инфраструктуры)	Запугивание со стороны правоохранительных органов (вызов на беседу)	Физическая слежка, фото- и видеонаблюдение	Угрозы насилия
4	Давление с целью заставить уехать из страны	Незаконные обыски	Административное преследование и штрафы	Уголовное преследование
5	Уголовное преследование	Угрозы насилия	Клеветнические кампании	Клеветнические кампании
6	Угрозы насилия	Клеветнические кампании	Физические нападения	Угрозы уголовного преследования
7	Физические нападения	Уголовное преследование	Административные штрафы	

Другие риски, свойственные авторитарным государствам, часто проявляются в Азербайджане и Беларуси:

- Зачастую произвольно чинятся препятствия в регистрации НПО и получении организациями грантов в правовых рамках, что выталкивает гражданское общество из правового поля.
- Произвольные налоговые проверки.
- Давление через работодателей или арендодателей, в том числе владельцев помещений, используемых для встреч или конференций.

У белорусских и казахстанских правозащитников есть общий риск изъятия детей социальными службами в случае произвольного применения законодательства против них³³.

В Азербайджане, Беларуси и Казахстане отмечены риски незаконной заморозки личных

банковских счетов и принудительного призыва на воинскую службу. Только в Казахстане был упомянут риск изнасилования³⁴ и принудительная оценка психического состояния. В качестве угрозы для правозащитников названы и онлайн-нападки со стороны троллей. У таджикских правозащитников особую озабоченность вызывают риски, с которыми сталкиваются ОГО страны, так как они могут привести к закрытию организации.

7.3. Риски, общие для всех стран

Одним из наиболее тревожных выводов исследования можно назвать то, что правозащитники практически во всех странах в качестве риска по линии работы называют угрозы для жизни или угрозы убийства. Этот риск упомянули очень немногие респонденты, однако его серьезность и эффект нельзя недооценивать. К тому же, как показывают собранные сведения, во всех восьми странах правозащитницы и защитники прав ЛГБТКИ подвергаются еще более высоким рискам, чем остальная часть правозащитного сообщества.

Интересно отметить, что в качестве субъектов, которые могут обострить риски для правозащитников, в результатах исследования также фигурируют доноры и международные партнеры. Несмотря на то, что это не было доминирующим мнением, некоторые респонденты упоминали в качестве одного из рисков перенастройку донорских программ на повышение уровня сотрудничества с национальными и местными властями. Еще один риск, который респонденты усматривают в контексте действий донорского сообщества – признание ГОНГО иностранными партнерами в качестве представителей демократического гражданского общества и легитимных партнеров в сфере развития. Естественно, гонимизация сектора упоминалась и как отдельный риск. Эти тенденции не являются чем-то новым. На самом деле уже более десятилетия ученые и эксперты бьют тревогу, что правительства все большего количества стран начинают искусственно создавать ОГО, находящиеся под крылом у государства, чтобы дискредитировать представителей демократического гражданского сектора, а также чтобы ввести в заблуждение несведущие международные донорские структуры и организации и побудить их переключить грантовую поддержку на более институционально устойчивые ГОНГО³⁵.

Заслуживают внимания и риски, связанные с организационной культурой в структурах гражданского общества и механизмами социальной защиты, как то:

- Выгорание;
- Недостаток солидарности в гражданском обществе и сообществах;
- Утрата здоровья;
- Социальная незащищенность правозащитников, в том числе предпенсионного возраста;
- Потеря международных контактов и связей в связи со сменой сотрудников;
- Жесткая иерархия в НПО, особенно в Беларуси

Можно также отметить, что полученные сведения не указывают на существенные различия между рисками в сферах цифровой и физической безопасности. Наоборот, преобладают скорее физические риски.

7.4. Источники рисков для правозащитников

Из данных однозначно следует, что правозащитники в странах с гибридным режимом в первую очередь подвергаются негативному «вниманию» со стороны праворадикальных националистических формирований различного состава и с разными организационными привязками. На самом деле именно с этими группировками в основном связан повышенный риск физических нападений на правозащитников во всех этих странах, а вот в странах

³⁴ Упомянула правозащитница.

³⁵ Как упоминается выше, в разделе, где детализируются общие условия в изучаемых странах, в Европарламент поступали предупреждения об угрозе использования механизмов финансирования ЕС для поддержки недемократических субъектов гражданского общества, которые все чаще попадают среди членов национальных платформ Форума гражданского общества «Восточного партнерства».

с авторитарным строем риски для правозащитников исходят от госаппарата. Подъем антилиберальных образований правого толка в постсоветских странах с более продвинутым уровнем демократии, в том числе во всех странах гибридной группы в данном исследовании, вызывает опасения уже в течение какого-то времени³⁶. Но важно заострить внимание на том, что, как утверждают местные субъекты демократического гражданского общества, эти националистические группировки не возникают в обществе сами по себе. Скорее они поддерживаются антилиберально настроенными представителями государственной власти, на которых также лежит ответственность за поощрение таких групп своей антиправозащитной риторикой, клеветническими кампаниями, направленными против правозащитников, а также за неизменную неспособность привлечь виновных к ответственности в случае подобных инцидентов³⁷.

При этом не следует в этой группе стран полностью сбрасывать со счетов и угрозы, исходящие непосредственно от государства. Например, на данный момент документально доказано, что правительство Грузии организовывало и поддерживало «онлайн-троллей», в задачи которых входило очернение и запугивание правозащитников в онлайн-пространстве³⁸. Аналогичным образом есть повод опасаться, что в некоторых регионах Украины существуют связи между органами правопорядка и олигархическими группировками, что может помочь органам власти скрыться за якобы независимыми структурами, которые осуществляют деятельность против правозащитников.

Рис. 8. Основные источники рисков. Гибридные режимы

	Армения	Грузия	Украина	Кыргызстан
1	Праворадикальные националистические группировки, часто по наводке олигархов, связанных с предыдущими властями	Праворадикальные националистические группировки	Праворадикальные националистические и консервативные группировки, иногда связанные с олигархами, ветеранами войны*	Консервативные радикальные группировки
2	Органы власти	Органы власти, в том числе депутаты парламента	Органы власти	Органы власти

* В нынешнем украинском контексте многие респонденты подчеркивали плотную связь между МВД, местными олигархами и радикальными группировками, которые стоят за нападениями на правозащитников, особенно в регионах.

По полученным от респондентов сведениям можно судить, что в авторитарных государствах монополия на применение насилия и угрозы насилия в первую очередь принадлежит властям. Но есть и серьезные угрозы, исходящие от радикальных консервативных и религиозных групп, особенно в отношении женщин и защитников прав ЛГБТКИ.

36 The Foreign Policy Centre, The Rise of the Illiberal Civil Society in the former Soviet Union? 2018, p.1: <https://fpc.org.uk/wp-content/uploads/2018/07/The-rise-of-illiberal-civil-society-in-the-former-Soviet-Union.pdf> по состоянию на 20 марта 2021 г.

37 См. Годовой отчет Дома прав человека в Ереване за 2019 год: <https://hrhyerevan.org/en/2020/04/27/human-rights-house-yerevan%20-%20annual-report-2019-en/>, тематический доклад ДПЧ Тбилиси: Thematic Report about the State of HRDs in Georgia: Obstacles and Challenges 2020 (9 декабря 2020 г.), Аналитический доклад Правозащитного центра ZMINA о положении правозащитников и гражданских активистов в Украине в 2020 году (январь 2021 г.): https://zmina.ua/content/uploads/sites/2/2021/01/stateofhumanrightsdefenders2020_reportua_web-2.pdf, The Foreign Policy Centre, The Rise of the Illiberal Civil Society in the former Soviet Union? 2018, pp. 61, 66 – 72: <https://fpc.org.uk/wp-content/uploads/2018/07/The-rise-of-illiberal-civil-society-in-the-former-Soviet-Union.pdf>, все документы по состоянию на 30 марта 2021 г.

38 Проблему подтвердил Facebook, который и удалил сотни своих страниц, аффилированных с грузинскими властями. Подробнее: <https://civil.ge/archives/332443> по состоянию на 17 марта 2021 г.

Рис. 9 Основные источники рисков. Авторитарные режимы

	Азербайджан	Беларусь	Казахстан	Таджикистан
1	Органы власти	Органы власти	Органы власти	Органы власти
2	Редко – негосударственные субъекты, угрожающие правозащитникам в социальных сетях, могут быть связаны с властями	Источник – почти исключительно власти; есть единичный пример нападения на правозащитниц-феминисток со стороны консервативных православных групп в контексте подготовки закона о домашнем насилии	Негосударственные субъекты, потенциально связанные с властями, а также с бизнес-кругами, олигархами	

Во всех восьми странах правозащитники, работающие в сферах защиты окружающей среды, финансовой прозрачности и борьбы с коррупцией, акцентируют риски от негосударственных субъектов, являющиеся угрозой для них самих и для их работы, зачастую с одобрения властей или при их бездействии. Это может быть связано с характером их работы, направленной на противодействие глубоко укоренившимся коммерческим интересам зажиточных и влиятельных людей, которых в данном контексте обычно называют олигархами.

8. ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕСПОНДЕНТАМИ НЫНЕШНИХ ПРОГРАММ ЗАЩИТЫ

8.1. Полученная помощь

Респондентов попросили поделиться мыслями и наблюдениями о ныне существующих программах поддержки. Как выяснилось, в разные периоды времени предоставляемая местными или международными провайдерами защита использовалась большинством респондентов из Азербайджана, Беларуси, Таджикистана и Украины, что отличается от опыта армянских, грузинских и кыргызстанских респондентов, где такой опыт имеется только у 50% или менее опрошенных.

В плане характера опыта использования существующих программ защиты различия между двумя группами стран не столь существенны, но тем не менее заслуживают внимания. Респонденты, воспользовавшиеся программами защиты, предлагаемыми разными ОГО, в качестве наиболее часто используемых назвали шесть типов поддержки: психологическую, юридическую, предоставление информации, финансовую, солидарность и международное адвокатирование. Также в ходе исследования выяснилось, что в авторитарных странах правозащитники получают практически полный спектр поддержки в сфере защиты, чего нельзя сказать о правозащитниках из стран с гибридным режимом. Это неудивительно с учетом гораздо более серьезных угроз, связанных с защитой прав человека в странах с авторитарным строем. Также это является подтверждением мнения, что правозащитники, работающие в обстоятельствах сужающегося или закрытого пространства для гражданского общества, находятся под большей угрозой и нуждаются в более широком арсенале средств защиты для выживания.

Среди государств с гибридным режимом в качестве страны, где спектр предоставляемой защиты наиболее узок, можно назвать Кыргызстан. На такой вывод наводит то, что там наиболее низкий процент респондентов сталкивался с возможностью защиты. Они отмечали, что выбор вариантов поддержки был невелик, и им пришлось использовать то, что предложили. Это важное наблюдение, так как в Кыргызстане, по сравнению с другими странами с гибридным режимом, правозащитники испытывают на себе гораздо более высокие риски и запугивание. Таким образом, ограниченность опыта респондента в использовании программ защиты вселяет тревогу и свидетельствует о необходимости поддержки более развитой системы защиты для кыргызстанских правозащитников.

Рис. 10 % респондентов, получивших конкретный вид помощи

Получена поддержка	Гибридные режимы				Авторитарные режимы			
	AM	GE	UA	KG	AZ	BY	KZ	TJ
Психологическая	27%	31%	38%	15%	50%	30%	38%	37%
Юридическая	27%	31%	33%	0%	38%	55%	38%	37%
Предоставление информации (о вариантах помощи)	33%	19%	24%	5%	38%	50%	33%	21%
Финансовая	13%	0%	38%	0%	56%	55%	14%	32%
Солидарность	40%	19%	24%	5%	38%	41%	24%	11%
Международное адвокатирование	33%	13%	24%	5%	38%	52%	24%	5%
Дополнительная охрана дома/офиса	40%	6%	33%	15%	6%	14%	10%	11%
Цифровая безопасность	0%	13%	19%	10%	25%	0%	24%	16%
Медицинская	13%	6%	0%	0%	19%	27%	14%	21%
Физическая безопасность	13%	0%	19%	15%	13%	0%	14%	16%
Замена техники	0%	0%	5%	5%	19	25%	10%	5%
Релокация	0%	0%	0%	0%	6%	18%	5%	26%
Визовая	0%	0%	0%	0%	25%	14%	0%	11%
Поддержка после релокации	0%	0%	0%	0%	19%	5%	0%	5%
Обучение по вопросам безопасности	0%	0%	0%	5%	0%	0%	14%	5%

Гибридные режимы

Авторитарные режимы

Из данных следует, что один из наиболее распространенных видов поддержки в изучаемых странах – психологическая помощь. Это подтверждает общую тенденцию повышенного осознания необходимости такой помощи и ее востребованности. Несмотря на то, что психологической помощью правозащитники пользуются чаще всего, провайдеры защиты отмечают, что организовать этот вид помощи сложно. Причин тому много, в том числе – сохраняющаяся среди правозащитников во всех восьми странах стигма и непонимание важности работы с психологом.

Полученные во всех странах данные указывают, что обычно находящиеся под угрозой правозащитники в первую очередь пользуются защитой, предоставляемой международными провайдерами. Беларусь – единственная страна, где респонденты почти в два раза чаще упоминают местных, а не международных субъектов помощи. Это можно объяснить природой режима и долгосрочным вниманием белорусских ОГО к защите и безопасности правозащитников. Во главе усилий по развитию потенциала местных правозащитников с целью преодоления физических и цифровых рисков (с особым акцентом на последние) более десятилетия стоял Беларусский дом прав человека.

8.2. Предлагаемые варианты поддержки

Как показал анализ, наиболее эффективно информация об имеющихся вариантах получения поддержки со стороны местных и международных субъектов среди правозащитников распространяется по каналам внутри страны. В тех странах, где местное профессиональное сообщество не является ключевым источником информации о возможностях защиты, местные правозащитники склонны считать, что у них нет доступа к необходимой информации. Есть взаимосвязь между восприятием информированности как недостаточной и низким уровнем доверия внутри местного правозащитного сообщества. Респонденты в Азербайджане, где основным источником информации о защите являются международные ОГО, говорили о невозможности получения помощи и недоступности информации о ней. Как упомянул один из респондентов, «есть ощущение, что программы поддержки существуют, но их держат в тайне от тех, для кого они предназначены». Респонденты из Армении также отмечали, что не хватает надежной внутренней профессиональной сетевой структуры, которая могла бы инициировать меры солидарности. Выявлены поразительные расхождения между уровнем поддержки, который предлагается армянским правозащитникам международными ОГО, и уровнем осведомленности о таких возможностях среди самих армянских правозащитников. Практически все опрошенные международные провайдеры отметили, что Армения входит в их программы защиты, а вот бенефициары этих программ в большинстве своем не знают о существующих возможностях.

В целом местные ОГО-провайдеры предоставляют неплохой уровень поддержки правозащитникам под угрозой, но некоторых видов поддержки явно не хватает – например, в случае необходимости замены оборудования, визовой поддержки, помощи в адаптации к жизни в стране релокации, защиты дома и офиса, наращивания потенциала.

Данные также показывают, что иногда местным провайдерам удается выработать уникальные механизмы оказания помощи, приспособленные к потребностям целевых правозащитных сообществ. Например, украинские ОГО помогают семьям политзаключенных из Крыма с передачами в тюрьмы и поездками на судебные заседания, которые нередко проводятся в дальних регионах России. Схожим образом азербайджанским адвокатам прав человека, потребности которых в рамках существующих программ защиты часто не охвачены, предлагаются возможности получения крайне необходимого отдыха и реабилитации в Грузии.

Бросается в глаза, что в Таджикистане и Азербайджане правозащитникам на местном уровне помощи явно не хватает, а в Казахстане и Беларуси, которые входят в ту же группу стран

с авторитарным режимом, существует гораздо более развитая местная система помощи³⁹.

В целом самый широкий спектр поддержки предоставляется международными ОГО. Некоторые виды помощи доступны только у них, такие как выдвижение на награды, общее развитие потенциала, построение сетевых структур и, что наиболее важно, релокация.

8.3. Важные истории успеха

Как выяснилось в ходе исследования, местные провайдеры защиты чаще учитывают имеющееся у них глубокое знание условий в стране и понимание процессов, происходящих в правозащитном сообществе и вообще в обществе, в то время как международные провайдеры придерживаются более строгих бюрократичных и, следовательно, продолжительных процедур. При том, что местные субъекты, у которых правила гибче и многое определяет наличие контакта, более подвержены риску предвзятого подхода, они все же более эффективны в предоставлении защиты. Следующие истории успеха могут служить примером важной роли и эффективной работы местных и региональных провайдеров услуг в предоставлении защиты нуждающимся в ней правозащитникам. Эти удачные примеры никоим образом не преуменьшают важность международного подхода к защите – скорее, они иллюстрируют преимущества более сбалансированного (смешанного) подхода.

Дом прав человека в Тбилиси: безопасная гавань для азербайджанских правозащитников

Тбилисский дом прав человека, в котором сформирована интенсивная и полноценная программа защиты, охватывающая широкий спектр помощи, предоставляет услуги защиты нуждающимся правозащитникам из Азербайджана⁴⁰. Работа началась после волны репрессий 2014 года в Азербайджане, откуда правозащитникам пришлось бежать в соседнюю Грузию. Дом предоставляет помощь правозащитникам, оказавшимся под угрозой, в том числе адвокатам, журналистам, политическим активистам, лидерам гражданского общества, а также членам их семей и другим близким, если на них распространяется угроза. Дом предоставляет юридическую, медицинскую, финансовую и психологическую помощь (онлайн и офлайн), языковые курсы, проживание, иногда – визовую помощь, а также возможность передышки и восстановления сил адвокатам прав человека.

Во времена массового наплыва правозащитников из Азербайджана в Грузию ДПЧ-Тбилиси занялся интеграцией сообщества в изгнании в грузинское гражданское общество. Дом осуществлял деятельность по развитию потенциала, чтобы азербайджанские деятели могли отточить индивидуальные правозащитные навыки и разобраться в законодательстве и административных процедурах Грузии, с тем чтобы управлять организациями с территории принимающей страны. К тому же, для оказания поддержки азербайджанским журналистам ДПЧ-Тбилиси договорился о широкомасштабном партнерстве с грузинскими СМИ, которые предложили беглым правозащитникам оплачиваемые стажировки. С течением времени у ДПЧ-Тбилиси накопилась значительная база связей и контактов с представителями азербайджанского правозащитного сообщества как в самом Азербайджане, так и в изгнании, что позволяет быстро проводить верификацию и действовать оперативно. В период с 2014 по 2020 гг. помощью ДПЧ-Тбилиси воспользовалось 217 бенефициаров из Азербайджана.

Несмотря на успехи тбилисского ДПЧ, похищение на территории Грузии скрывавшегося там азербайджанского журналиста Афгана Мухтарлы, специализирующегося на проведении расследований, служит предостережением о том, что страны с гибридным режимом нельзя считать полностью безопасным укрытием для правозащитников, бегущих из авто-

³⁹ Это заключение подтверждается и тем, что, как утверждают казахстанские респонденты, в случае угрозы правозащитникам реже приходится уезжать из страны. В большинстве случаев они могут остаться в Казахстане.

⁴⁰ С 2019 года программа защиты ДПЧ-Тбилиси расширена и охватывает также правозащитников под угрозой из Беларуси, России, Турции и Украины.

Дом прав человека в Тбилиси помогает оказавшимся в опасности правозащитникам, в том числе адвокатам, журналистам, политическим активистам, лидерам гражданского общества, а также их родным и близким, если ситуация напрямую влияет и на них.

В мае 2018 года, год спустя после исчезновения Афгана Мухтарлы, Дом прав человека в Тбилиси провел акцию с требованием его освобождения и надлежащего расследования дела.

ритарных государств. Азербайджанские власти давно не скрывали неприязни к А. Мухтарлы в связи с его журналистскими расследованиями. Вместе с женой Лейлой Мустафаевой, также журналисткой, они бежали в Грузию в 2015 году. Их принял ДПЧ в Тбилиси и предложил разнообразные услуги защиты. В конце концов Афган и Лейла поселились в Тбилиси и работали оттуда. 29 мая 2017 года в центре Тбилиси А. Мухтарлы среди бела дня был похищен людьми, по его словам, в униформе грузинской криминальной полиции⁴¹. На следующее утро выяснилось, что А. Мухтарлы находится в СИЗО в Баку, куда его поместили «за незаконное пересечение грузино-азербайджанской границы с крупными суммами незадекларированных денежных средств»⁴². После нескольких месяцев судебных слушаний по сфабрикованному делу его приговорили к 6 годам лишения свободы⁴³. Важно иметь в виду, что перед похищением А. Мухтарлы распространил несколько публичных заявлений, в которых высказал опасения по поводу незаконной слежки⁴⁴. После похищения Афгана Лейла Мустафаева не раз обращалась в грузинские правоохранительные органы по поводу предполагаемой слежки и случая харассмента, но реакции со стороны властей не последовало. А. Мухтарлы и его семья сейчас в безопасности, они живут в Германии, но их опыт показывает, что безопасность правозащитников находится под угрозой не только внутри страны, но и в других государствах, которым еще предстоит пройти процесс укоренения демократии.

«Кадыр Касиет» в Казахстане: центр координации защиты

Среди других авторитарных стран Казахстан выделяется уровнем использования правозащитниками услуг местных, а не международных организаций-провайдеров защиты. В отличие от коллег из других стран авторитарной группы, в случае угрозы казахстанские правозащитники реже прибегают к релокации за рубеж и прошению убежища в качестве средства защиты. Это наблюдение подтверждается и тем, что правозащитники в Казахстане почти никогда не пользуются визовой поддержкой (см. Рис. 10 выше). Объяснением этому может быть то, как в стране организована система защиты.

41 См. Case of Afgan Mukhtarli: Facts and Evaluation, Дом прав человека в Тбилиси (2018 г.), <https://humanrightshouse.org/wp-content/uploads/2018/05/The-Case-of-Afgan-Mukhtarli.pdf> по состоянию на 25 марта 2021 г.

42 "Afgan Mukhtarli: Did Georgia Help Abduct Azerbaijani Journalist?" Новости BBC, (8 июля 2017 г.): <https://www.bbc.com/news/world-eu-gore-40606599> по состоянию на 25 марта 2021 г.

43 А. Мухтарлы был освобожден из азербайджанской тюрьмы весной 2020 г. и выехал в Германию, где проживает по сегодняшний день с Лейлой Мустафаевой и их дочерью.

44 Case of Afgan Mukhtarli: Facts and Evaluation, p. 9.

В случае Казахстана важным фактором, способствующим безопасности правозащитников, является присутствие ОГО «Кадыр Касиет», специализированного общественного объединения по защите правозащитников, которое в проактивном режиме занимается выстраиванием потенциала правозащитников для преодоления рисков, а в режиме реагирования – оказанием помощи тем, кто в ней уже нуждается. Этот пример также показывает, что сложность проблемы требует совместных усилий и решений, которые невозможны в одиночку, без сотрудничества с другими местными демократическими акторами, в том числе со СМИ, независимыми экспертами, другими организациями гражданского общества. Хотя относительный успех в Казахстане можно отнести на счет коалиции местных акторов, он не был бы возможен без приверженности и координации усилий на уровне местной ОГО, выступившей в качестве контактного центра. Последний играет еще одну важную роль – точки входа для международных провайдеров, нуждающихся в надежном источнике информации для проверки кейсов и установления связей между местными бенефициарами и международными ОГО. При всех позитивных наблюдениях исследованием было установлено немало возможностей для совершенствования, поскольку респонденты отмечали потребность в дополнительной координации и прозрачности в предоставлении защиты.

8.4. Эффекты защиты

Один из наиболее значительных позитивных эффектов защиты, указанный респондентами – улучшение психологического состояния правозащитников под угрозой. В частности, они отмечают усиление чувства безопасности, защищенности и поддержки, снижение уровня стресса. Еще один распространенный позитивный эффект – более качественная защита в суде благодаря предоставленной правозащитникам и их родным юридической поддержке. Казахстан выделяется как особенно успешный пример последней. Еще одним положительным результатом нынешней системы защиты для целой группы респондентов стала возможность продолжать работу (как отдельным правозащитникам, так и организациям), так как они получили возможность восстановить силы и повысить уровень безопасности.

Некоторые эффекты упоминались нечасто, но они слишком важны, чтобы не обратить на них внимание. В частности, правозащитники в Азербайджане и один респондент в Грузии

В особенно опасной ситуации находятся правозащитники Казахстана. Активист на снимке держит фото выдающегося правозащитника Дулата Агадила (слева) и его 17-летнего сына Жанболата, убитого ножевым ранением всего 10 месяцев спустя после загадочной смерти отца в СИЗО. Фото: azattyq.org (Радио «Свобода»)

считают, что полученная помощь спасла им жизнь. Жизненно важной оказалась и поддержка в адаптации к жизни на новом месте для респондентов из Азербайджана и оккупированных территорий Украины.

Информации по поводу более долгосрочных эффектов защиты от респондентов получено меньше. Некоторые респонденты упоминали выросший уровень солидарности в обществе, более стабильную личную жизнь, пересмотр повестки деятельности, возможность долгосрочного планирования. В целом, правозащитники из стран с более враждебной политической средой чаще отмечают наличие каких-то долгосрочных эффектов поддержки и дополнительно их выделяют.

9. СОЮЗНИКИ В РАБОТЕ ПО ЗАЩИТЕ

Исследованием предпринята попытка определить другие группы общества, помимо традиционного круга структур гражданского общества, которые уже являются или могут стать союзниками в предоставлении защиты правозащитникам, находящимся под угрозой. Как показывают результаты, чем дольше в конкретной стране существуют демократические институты, тем больше у местных групп гражданского общества уверенности в том, что внутри страны можно найти союзников, и опыта подобного союзничества.

Наиболее часто среди вероятных и реальных союзников упоминались церкви (альтернативных направлений, исповедуемых меньшинством в конкретном обществе), религиозные организации, культурные организации, деятели культуры, знаменитости, лидеры мнений («инфлюенсеры»), коммерческие структуры (особенно малый бизнес, социальные предприятия), адвокаты, адвокатские конторы, публичные библиотеки, национальные институты прав человека (службы омбудсмена), диаспора, сообщество психологов, посольства, агентства ООН в стране. Важно, что в Армении и Украине бюро омбудсменов упоминались не как нынешние, а как потенциальные союзники.

На фоне скепсиса, присутствующего у респондентов по поводу большинства из вышеперечисленных субъектов и их реальной возможности стать партнерами в авторитарных странах (наиболее пессимистичны респонденты в Таджикистане), опрошенные в гибридных режимах поделились и позитивным опытом либо же продемонстрировали некоторый оптимизм. В Грузии Евангельская баптистская церковь во время Прайд-недели в 2018 году предложила Тбилисскому прайду помещение для проведения театрального представления на ЛГБТКИ-тематику, а крупнейшая публичная библиотека Тбилиси предоставила убежище демонстрантам, спасавшимся от полицейского насилия в 2019 году. Исламская женская организация в Кыргызстане помогает в продвижении прав женщин, а малый бизнес и социальные предприятия – в продвижении прав лиц с инвалидностью. Православная церковь Украины и местные украинские культурные работники в Крыму, по имеющимся сведениям, также оказывают ценную помощь.

О многом говорит то, что ни в одной из обсуждаемых стран академическое сообщество, университеты не определены в качестве мощных субъектов гражданского общества или союзников, при том что респонденты часто убеждены, что данные структуры должны бы играть такую роль в их стране и обществе.

10. ПРОБЕЛЫ В ПРОГРАММАХ ЗАЩИТЫ

Из тех респондентов, у которых есть опыт взаимодействия с программами защиты, 78% получили поддержку во всех случаях, когда она была нужна, а 22% отметили, что поддержка требовалась, но не была предоставлена. Чаще других стран негативные ответы получены от респондентов в Армении, Украине, Таджикистане. Ситуацию во многом объясняет низкий уровень осведомленности о механизмах защиты в Армении и недостаток поддержки в Таджикистане.

Вот некоторые причины, которые, по словам респондентов, помешали им воспользоваться защитой:

1. Недоступность (отсутствие) защиты, особенно в отдаленных районах и за пределами столиц;
2. Низкая осведомленность правозащитников об имеющихся механизмах поддержки, иногда – путаница среди правозащитников относительно возможностей мер защиты;
3. Недоверие к провайдеру – или по причине предполагаемого сотрудничества последнего с властями, или из-за произвольного применения провайдером критериев защиты.
4. Недоверие подогревается и тем, что иногда провайдеры не поясняют причину отказа в помощи правозащитнику или члену семьи.
5. Неудобный формат помощи, в том числе – невозможность добраться до места осуществления имеющихся программ защиты.
6. Отсутствие защиты на постоянной основе, несмотря на непрекращающуюся потребность.

Интервьюируемые также отмечали, что даже когда защита предоставлялась, она была сопряжена со сложностями, как правило – бюрократическими барьерами и медленными оборотами, в частности – сложными процедурами отчетности, фиксированием понесенных расходов, невозможностью оплаты наложенных на правозащитников штрафов. Общее настроение среди опрошенных правозащитников таково, что их выбор в плане получения помощи ограничен. В результате им часто требовалось обучение по предотвращению и выходу из выгорания, а получали они психологические консультации. Часто респонденты отмечали сложности в том, чтобы найти психолога, также подчеркивали необходимость своевременного принятия решений. Другие упомянутые респондентами сложности связаны с недостатком визовой поддержки членам семьи в ситуациях риска, рискованные механизмы передачи прямой поддержки.

Исследованием установлено, что 40% всех респондентов считают полученную поддержку недостаточной⁴⁵. При этом типы поддержки, отмеченные как не предоставленные или недостаточно предоставленные, являются зеркальным отражением списка наиболее часто полученной помощи. То есть если психологическая, финансовая поддержка, цифровая безопасность, юридическая, медицинская помощь, а также предоставление информации и поддержка в обеспечении физической безопасности – это те виды помощи, которые преимущественно предоставляются во всех восьми странах, эти же виды помощи респондентами выбираются в качестве недостаточных. Ответы показывают, что правозащитники-бе-

⁴⁵ Интересно отметить, что в Украине эта цифра составляет 70%.

нефициары программ не считают достаточной медицинскую помощь, полученную в ходе чрезвычайных ситуаций. По их мнению, медицинскую помощь следует предоставлять и в не чрезвычайных случаях, чтобы минимизировать вред от долгосрочной работы в неблагоприятной обстановке и преодолеть тенденцию к постепенному ухудшению физического и психического здоровья.

В некоторых странах, где опрос проводился сразу после вспышки Covid-19, респонденты подчеркивали, что нужно предоставить помощь в работе с потенциально зараженными. Немалая доля респондентов из всех стран также отмечала необходимость поддерживать реабилитацию вновь освобожденных политзаключенных.

В группе гибридных государств респонденты из Армении отметили, что есть необходимость повысить информированность о выгорании и важности заботы о себе. С учетом того, какое воздействие на армянское гражданское общество произвела вторая карабахская война, можно предположить, что эта потребность существенно возросла⁴⁶. Респонденты из Украины были явно не удовлетворены уровнем международного адвокатирования по кейсам правозащитников, находящихся под угрозой. Кыргызстанские респонденты подчеркивали недостаточность помощи в сфере цифровой безопасности, защиты офисных помещений и техники.

Правозащитники из авторитарных государств – Азербайджана, Беларуси, Таджикистана – поделились ощущением, что они не получают достаточной визовой поддержки и поддержки в международной релокации. Они подчеркивали важность оперативной помощи в условиях исходящей от властей острой опасности и волн репрессий. В Азербайджане подчеркивали недостаток юридической помощи, что не удивляет, ведь в стране адвокаты прав человека попали под каток репрессий, ощущается общая нехватка лицензированных адвокатов, которые согласны браться за политически опасные дела⁴⁷. Также в Азербайджане не удовлетворена потребность в помощи квалифицированных медиков, которые могут зафиксировать признаки предполагаемых пыток и жестокого обращения. В Таджикистане правозащитники подчеркивают недостаток превентивной поддержки, а в Казахстане – необходимость более качественной координации и более прозрачной процедуры принятия решений о предоставлении защиты.

Существенный пробел, о котором говорили правозащитницы в разных странах с разным режимом управления – невозможность поехать на программу защиты, так как не с кем оставить ребенка.

В конце концов, хотя солидарность не является типичной формой защиты, предоставляемой правозащитникам, именно о недостатке солидарности внутри гражданского общества многие респонденты говорили, как о пробеле в инфраструктуре защиты, который отражается на их общем ощущении защищенности.

10.1. Категории правозащитников с неудовлетворенными потребностями

Исследованием выявлен продолжительный перечень правозащитников, потребности которых не удовлетворены, судя по восприятию опрошенных участников. Некоторые группы чаще других получают поддержку различных программ, а другие в поле зрения инфраструктуры поддержки попадают реже. Контингент правозащитных субъектов, потребности которых охвачены в недостаточной степени, во всех восьми странах во многом перекликается. При этом интересным выводом анализа можно назвать то, что, по мнению международных структур-провайдеров помощи, категорий с неудовлетворенными потребностями в защите

⁴⁶ Freedom House, Armenia: Authorities Must Protect Democratic Institutions and Civil Society, 12 марта 2021 г.: <https://freedomhouse.org/article/armenia-authorities-must-protect-democratic-institutions-and-civil-society> по состоянию на 26 марта 2021 г.

⁴⁷ Observatoire International des Avocats, International Day of Lawyer in Danger 2021, Azerbaijan, 11th edition: <https://www.uyanet.org/sites/default/files/leaflet-jm-2021-web-en.pdf>, по состоянию на 26 марта 2021 г.

гораздо больше, нежели в понимании правозащитников внутри стран и местных провайдеров защиты, насколько его удалось выяснить. Также любопытно, что международные респонденты часто говорят о необходимости защиты «изобличителей несправедливости», «разоблачителей», «информаторов» (whistleblowers, дословно – подающий сигнал свистком), а местные провайдеры такую терминологию не используют, хотя они и могут сказать, например, об учителях, которые не молчат о нарушении прав детей в школах или о каких-то других проблемах. Стоит также отметить, что международными респондентами выявлена уникальная группа правозащитников с неудовлетворенными потребностями – социальные работники, которые часто работают в связке с финансируемыми государством сервисными организациями по оказанию социальных услуг и встают на защиту прав лиц, которые находятся в уязвимом или маргинальном положении.

Установлено, что поддержки не хватает следующим категориям:

- Активисты и организации ЛГБТКИ,
- Активисты и организации, занимающиеся правами женщин и гендерным равенством; правозащитники, решающие вопросы домашнего насилия,
- Эко-активисты/организации,
- Журналисты, блогеры,
- Региональные активисты, активисты местных сообществ,
- Адвокаты в отдаленных районах,
- Активисты по борьбе с дискриминацией,
- Правозащитники, входящие в инициативы, работающие с социально отторгнутыми группами (секс-работники, наркопотребители, ВИЧ/СПИД-инфицированные),
- Правозащитники, входящие в профсоюзы; активисты социально-экономических прав,
- Урбанистические активисты,
- Политические активисты,
- Правозащитники, работающие в зонах, пострадавших от конфликтов,
- Правозащитники, работающие по темам военных преступлений и экстремизма,
- Студенты и молодежные активисты,
- Защитники религиозных сообществ, меньшинств,
- «Изобличители несправедливости» (педагоги, соцработники, медработники, выступающие против нарушения прав),
- Активисты прав животных (зоозащитники),
- Защитники прав лиц с инвалидностью,
- Активисты вопросов прозрачности бюджета, борьбы с коррупцией, контроля за банковской деятельностью,
- Защитники прав цыган и нацменьшинств,
- Политзаключенные,
- Правозащитники, работающие в изгнании,
- Активисты профсоюзов,
- Правозащитники, защищающие права без официальной оплаты,
- Низовые инициативы,
- Представители культурного сектора (в том числе писатели, культурные активисты),
- Социальные предприниматели,
- Активисты, поддерживающие права медработников в условиях пандемии Covid-19,
- Активисты сферы просвещения (обычно борются с дискриминацией, коррупцией),
- Соцработники

В результате более пристального изучения ситуации в отдельных странах установлено, что в Грузии и Армении правозащитники, функционирующие по одному, применяющие нетрадиционные, необычные методы, становятся объектом неоднозначного отношения и в результате могут остаться вне сферы охвата программ защиты. В Украине после российской военной оккупации Крыма в феврале 2014 года в качестве группы, которая не получает (должного) внимания и поддержки, называют христиан-протестантов и священников Православной церкви Украины. К тому же, в поддержке и защите нуждаются украинские гражданские активисты, которые становятся волонтерами. В Азербайджане исключенной из системы защиты катего-

рией назвали родителей политзаключенных по обвинениям, связанным с экстремизмом, так как они борются за справедливость и за защиту прав своих детей⁴⁸. В Беларуси не охвачены активисты из среды футбольных фанатов, зачастую участвующие в общественно-политических акциях протеста⁴⁹, а в Казахстане, судя по ответам, недостаточную поддержку получают правозащитники, представляющие казахскоязычное меньшинство и этнические казахи-мигранты из Китая, обычно проживающие в сельской местности и отдаленных районах страны. Также защита в Казахстане все еще нужна активистам профсоюзов, которые властями практически полностью уничтожены, а защита есть не всегда.

Как и можно было ожидать, наименее защищенной группой являются активисты прав ЛГБТ-КИ, прав женщин, защитников гендерного равноправия, а также эко-активисты, журналисты, правозащитники в глубинке. В самом верху списка недостаточно поддерживаемых групп находятся активисты против дискриминации по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности (СОГИ). Это можно объяснить и масштабом рисков, которые они испытывают на себе, и тем фактом, что им угрожают и власти, и негосударственные субъекты, а именно консервативные круги общества. Можно прийти к выводу, что из-за построенного на домыслах нарратива традиционных ценностей СОГИ-активисты оказываются все более привлекательной мишенью для нападков и, соответственно, нуждаются в более интенсивной защите и дополнительном внимании. На самом деле во всех обсуждаемых странах программы защиты предусматривают помощь данной группе, но потребность этого типа правозащитников в защите настолько обширна, что они же попадают и в группу недостаточно охваченных нынешней инфраструктурой защиты.

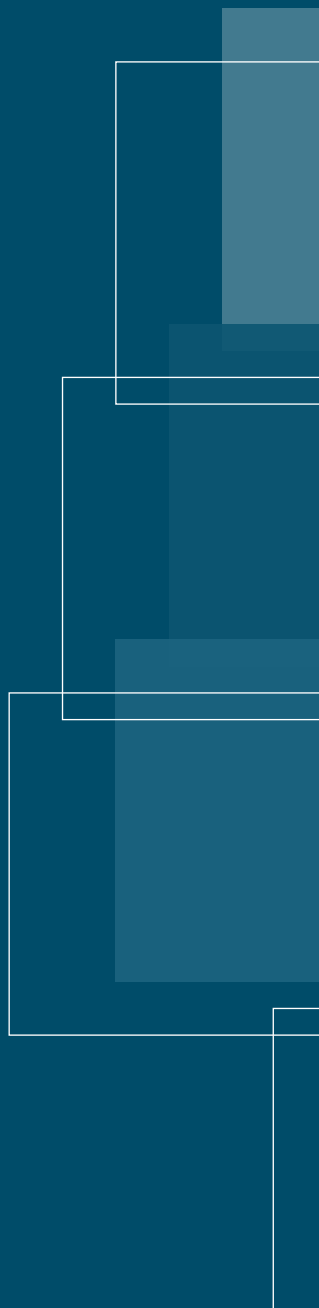
Еще одна распространенная тенденция – чем дальше от политического центра работают правозащитники, тем менее заметными для программ защиты они представляются, ведь программы защиты зачастую базируются в столицах. Что же касается правозащитников, работающих в зонах конфликтов, то их не только могут упустить из виду, но подчас до них еще и тяжело добраться.

Респондентов попросили поделиться соображениями, почему внимания к вышеупомянутым категориям недостаточно или мало. Среди причин называются обычные сложности, такие как ограниченность финансовых и человеческих ресурсов, из-за которых провайдеры защиты не могут охватить больший круг получателей помощи, нежели теперь, особенно в сельской, отдаленной местности. Одновременно у респондентов присутствует убеждение, что в целом не хватает информированности об имеющихся мерах защиты. Наконец, у правозащитников нет понимания механизмов заботы о себе для своевременного предотвращения выгорания.

Однако помимо упомянутых препятствий есть серьезные причины для озабоченности и в связи с характером нынешних механизмов защиты, из-за которых правозащитники, находящиеся ближе к национальным и международным программам защиты и чаще попадающие в поле их зрения, непреднамеренно ставятся в привилегированное положение. По различным вышеупомянутым причинам вышеперечисленные группы и их активность оказываются гораздо менее заметными, что может стать объяснением недостаточности получаемой ими поддержки. По словам опрошенных, случается, что правозащитники не могут предоставить «достаточные доказательства» своей активности. Таким образом, правозащитники, более приближенные к донорам и международным ОГО, пользуются привилегированной поддержкой, а представителей других групп могут даже не посчитать правозащитниками. Также респонденты указывают, что в некоторых программах применяется слишком узкое определение правозащитника, в силу чего круг бенефициаров сужается. Немаловажно и то, что оказание помощи некоторым категориям правозащитников может являться чрезмерным риском для местных провайдеров.

48 International Partnership for Human Rights, Human Rights Club, Global Diligence LLP, Truth Hounds, and Civic Solidarity, "Azerbaijani Government Crackdown in Ganja: Extrajudicial Killings, Torture, Arbitrary Detention, Unfair Trials and Unlawful Restrictions on the Freedom of Assembly," 2 февраля 2020 г.: <https://www.humanrightsclub.net/wp-content/uploads/2020/02/here.pdf> по состоянию на 25 марта 2021 г.

49 Например, солидарность с Украиной в войне с Россией, оппонирование интеграции Беларуси с Россией и т.п.

Мир, к которому стремится Фонд домов прав человека (ФДПЧ) — это мир, где каждая и каждый может свободно и без угрозы для себя продвигать все права человека и ими пользоваться.

Чтобы воплотить это устремление в жизнь, нужны правозащитники, у которых есть права, ресурсы, рычаги воздействия, и гражданское общество – сильное и независимое.

ФДПЧ создает, поддерживает и объединяет дома прав человека – коалиции организаций гражданского общества, которые вместе добиваются прогресса в сфере прав человека у себя в стране и за рубежом.

На сегодняшний день в международную сеть домов прав человека входит 17 домов в 11 странах.

Вместе мы отстаиваем свободу слова, собраний, объединений, а также право быть правозащитником.

Эти четыре права, лежащие в основе сильного и независимого гражданского общества, дают правозащитникам защиту и возможность действовать.

ФДПЧ – международная некоммерческая организация со штаб-квартирой в Осло, бюро в Женеве и представительствами в Брюсселе и Тбилиси. Фонд имеет консультативный статус в ООН и статус участника в Совете Европы.

Human Rights House Foundation
Org. no. 976 055 365

Oslo (headquarters)
Mariboegate 13
0183 Oslo, Norway
info@humanrightshouse.org

Geneva
Rue de Varembeé 1, PO Box 35
1211 Geneva 20, Switzerland
advocacy@humanrightshouse.org

humanrightshouse.org